

Валерий Юрич

АЛХИМИК
ДОЛЖЕН

УМЕРЕТЬ!

Валерий Юрич Алхимик должен умереть! Том 1

Серия «Алхимик должен...», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73322203

SelfPub; 2026

Аннотация

Я живу в мире, где магия возведена в ранг науки. В мире, где волшебный эфир - это валюта, подверженная инфляции, а государство - безжалостный регулятор. В мире, где магический дар принадлежит аристократам, а право на хорошую жизнь передается по наследству.

Я пытался это исправить. Честно. Придворный алхимик, изобретатель, лейб-медик - мое положение давало мне власть. Я не упивался ей, а использовал, как инструмент. И вот, когда до цели оставался всего один шаг... терпение Императора лопнуло.

Итог закономерен. Я умер. Точнее, должен был умереть. Но Император просчитался. Он убил только тело. Душу закинуло в изувеченного приютского сироту по кличке Лис.

Но и в этой ситуации есть один несомненный плюс: ниже падать уже некуда. Теперь у меня только один путь - наверх.

Лечил Императора - буду лечить сирот. Подорожник, полынь, мята, лопух всегда под рукой. Начну с малого, а дальше как пойдет.

Что ж, Ваше Императорское Величество. Вы убили меня один раз. Второго шанса у вас не будет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	57
Глава 5	71
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Валерий Юрич

Алхимик должен умереть! Том 1

Глава 1

Лето в Петербурге пахнет не столько розами, сколько стылым гранитом и Невой. Солнце стоит высоко, но город все равно будто светится изнутри холодом: белесые фасады, зеркальные каналы, строгие линии мостов. И магия, привычная до оскомины, в этом сиянии не прячется. Она ходит по улицам открыто, как чиновник в мундире.

Вон там, у Адмиралтейства, гвардеец лениво держит в ладони светляк-искряч, он отгоняет мошкарку и одновременно проверяет печати на пропусках. У торговых рядов разодетая барышня шепчет в рукав заклинание чистоты, и пыль с ее башмачка слетает, словно испуганная мошкарка. На Невском мчится карета, а тянут ее не лошади, а полупрозрачные големы, словно сотканные из серого воздуха: модно, дорого, безопасно, ведь голема не напугаешь громким звуком.

Я все это люблю. Я люблю город, который умеет быть величественным даже в мелочах. И я люблю, что этот город признает силу разума.

Меня зовут Константин Андреевич Радомирский, граф, действительный статский советник, кавалер двух орденов, член Императорского Технического Синклита и лейб-медик порфиринового семейства. Для повседневных же речей, для шепота в гостиных и зависти в мастерских, я давно стал просто титулом: Радомирский, величайший алхимик и изобретатель Империи.

А если уж говорить совсем начистоту, я был тем, кто держал Империю на острие прогресса — и приставлял это острие все ближе к ее горлу.

Мастер эфироцинковых батарей. Изобретатель самодвижущихся экипажей. Создатель первого в мире арканомеханического вычислителя, который перепугал половину министров, когда за двадцать минут подсчитал то, на что их канцелярии тратили месяцы.

Я слишком быстро шел вперед...

В тот день я проснулся рано, когда по высоким шпилям еще только сползала утренняя позолота.

— Кон-стан-тин Ан-дре-е-вич, — распевно протянул в углу лаборатории граммофонный шар, плохо подражая голосу первого секретаря Синклита. — Напомина-ю, завтра в полдень — демонстра-ция вашего нового изооорр... э-э... изоооруд-о-вания Его Импера-торскому Величеству...

Я поморщился.

— Не завтра, — отрезал я, не отрывая взгляда от мерцающего в реторте раствора. — Никакой демонстрации не бу-

дет, пока я не решу проблему перегрева матрицы.

Шар обиженно кашлянул, щелкнул и затих. Я провел рукой по воздуху, отключая потоки эфира, текущие к устройству, и в лаборатории повисла тишина, нарушаемая лишь шепотом огня под тиглем и приглушенным гулом города за толстым стеклом.

Моя лаборатория находилась в отдельном крыле Академического корпуса на Васильевском острове. Высокие окна, застекленные не обычным стеклом, а слоистым кварцевым триплексом с вплетенной рунной сеткой, смотрели на Неву. По ее беспокойной глади медленно ползли лодки и буеры — обычные и зачарованные, с эфирными парусами, переливающимися радужными отблесками. Вдалеке сияли купола соборов и шпиль Адмиралтейства, поверх которого виднелись сторожевые скорпион-дроны Императорской Канцелярии Безопасности.

Империя смотрела на меня, даже когда делала вид, что занята своими делами.

Я потянул плечами, чувствуя, как потрескивает в костях накопленная усталость. Сутки без сна. Два дня на одних стимуляторах. Вокруг пахло гарью, озоном, сандалом от защитных ладанов и чуть-чуть — кровью: я снова укололся иглой с ртутным составом и не заметил.

Передо мной на массивном каменном столе стояло мое последнее творение. В теории — величайшее из всех. А на практике пока еще кусок металла, стекла и рунных пластин,

время от времени норвящий взорваться.

Кристаллоэфирный реактор.

Я хотел отнять у чародеев их монополию. Забрать силу у родовитых аристократов, в чьих жилах текла древняя кровь, дающая им право насылать грозы и поднимать защитные барьеры одним лишь словом. Я мечтал о том дне, когда любой, у кого есть руки, голова и доступ к хорошо отлаженному механизму, сможет зажечь светильник, запустить карету, поднять в воздух дирижабль — без заклинаний, без разрешения, без мзды.

Принцип был прост до неприличия. Магия в Империи держалась на трех китах: дворянских родах, лицензиях Синклита и тайне. Сила передавалась через кровь, закреплялась печатями и контролировалась правом. Кто не в роде, тот либо служит, либо молится, либо голодает.

А Кристаллоэфирный реактор позволял любому человеку взять энергию из самого воздуха и направить ее по проводнику, как поток воды, без дара, без печати, без клятвы на гербе. Он превращал «божий дар» в ремесло.

Императору поначалу это даже понравилось.

Первые эфирцинковые батареи, что питали его личный дворцовый комплекс. Самоходные пушки, которые ломали хребет мятежным провинциям с небывалой доселе экономией крови гвардейцев. Прозрачные щиты над Зимним дворцом, от которых отскакивали любые вражьи чары. Я был его любимой игрушкой, его «милым кудесником», как он любил

говорить, потягивая венгерское вино и разглядывая новые машины с любопытством капризного ребенка.

А потом на заседании Академии я заявил, что следующим шагом будет «Общероссийское общество просвещения и механизации», бесплатные школы при фабриках и мастерских и — богомерзость какая — проект закона о допуске мещан и даже крестьянских детей к техническому образованию, если у тех обнаружится склонность к наукам.

Я видел, как побелели лица министров. Как нахмурился Император. Как его пальцы сжали лист бумаги чуть сильнее, чем следовало.

В ту ночь ко мне в кабинет пришел глава Третьего отделения, князь Голицын, и мягко, очень вежливо, с улыбкой, в которой было больше стали, чем в арсеналах столицы, предложил «умерить пыл».

Я отказался.

Наверное, тогда-то все и решилось.

Я понимал мотивы двора. Я даже мог бы оправдать их, если бы хотел. Государство держится на балансе. Слишком резкий перевес разрушает трон. Дворяне боялись, что их сделают лишними. Синклит боялся, что его законы превратятся в бумажные фантики. А Император боялся одного: что появится сила, которую нельзя запереть в регламент. Он страшился не меня — идеи. Мысли о том, что где-то существует возможность сделать магами тысячи, миллионы людей.

Такие вещи не прощают даже гениям.

Но сейчас, стоя над мерцающим реактором, я не думал о политике. Алхимия ревнива. Стоит отвлечься — и твой величайший прорыв превратится в краткий некролог.

Я осторожно наклонил реторту, выпуская тонкую струйку голубоватого раствора на поверхность кристаллической сердцевины. Реактор коротко вспыхнул, руны на его корпусе обрели четкость и глубину, по воздуху разлился низкий гул, как будто где-то далеко за стенами зазвучал гигантский орган.

— Еще немного... — прошептал я.

Пламя под тиглем взвилось выше, затем, по моему щелчку, погасло. В лаборатории мгновенно стало тихо, и только реактор продолжал еле слышно вибрировать и светиться. Лиловые отблески бегали по рунным дорожкам. Металл на стыках слегка посинел от напряжения.

Достичь стабильности. Зафиксировать параметры. Потом — отчет перед комиссией. За ним — тяжелейшая схватка за изобретение.

Я прекрасно понимал: если этот реактор заработает так, как я задумал, потребность Империи во многих специалистах, вероятнее всего, исчезнет. А если я еще и продолжу разговоры о школах для сирот и детей фабричных рабочих...

Шаги за спиной я услышал, когда реактор уже вошел в резонанс.

Тихие. Вкрадчивые. Послушный подмастерье так не хо-

дит. Чиновник тоже. Слуга же либо размахивает ногами, как мельница, либо ползет, как тень, но даже в этом случае выдает себя трением подошв о паркет.

А эти шаги были... выверенными. Как у человека, который привык убивать в тишине.

— Я занят, — не оборачиваясь, произнес я. — Все вопросы — через канцелярию.

Шаги на миг остановились, затем вновь двинулись ко мне. До меня донесся легкий запах — железа, кожи и чего-то терпкого, цветочного, но не дешевого мыла, а благовоний, которыми пропитывают мантии служащих Внутренней канцелярии.

Я сразу все понял. Но было уже поздно.

— Константин Андреевич Радомирский? — спросил тихий голос за спиной. Мужской. Молодой. Спокойный до жути.

Я медленно выпрямился, не отрывая ладоней от рычагов управления реактором, и повернул голову.

У входа в лабораторию стоял невысокий человек в сером сюртуке без единой пуговицы, заколотом на потайные крючки. Лицо обычное, будто слепленное по учебнику: прямой нос, серые глаза, ни одной запоминающейся черты. Такие люди легко теряются в толпе, стекают с памяти, как вода.

Но магический контур, обвивавший его запястья и шею тонкой сеткой золотых нитей, я видел отчетливо. Рунные узлы жгли эфир, как свечи в темной комнате.

Личный пес Императора.

— Кто спрашивает? — мой голос, на удивление, не дрогнул.

Он чуть склонил голову, почти с уважением.

— Тот, кто пришел облегчить вашу ношу, господин алхимик, — мягко произнес он. — Империи больше не требуется ваш гений.

Реактор завыл громче. По верхней кромке корпуса побежали трещинки. Я скрестил потоки, сбрасывая лишнюю энергию в заземляющий контур. Искры посыпались на пол.

— Безрассудно устраивать сцену в моем присутствии, — процедил я. — Если Император желает моего отстранения, существуют приказы, подписи, печати...

— Приказ есть, — спокойно перебил он. — Но подпись и печать на нем — не те, что предъявляют подданным. Да и способ исполнения тоже особый. Не судебный.

Вот так вот просто.

Я думал, меня хотя бы попытаются опорочить, устроить фарс с обвинениями в государственной измене, манипуляциях с демонами, в сношениях с враждебными державами. Дадут мне возможность выступить, защищаться. Но нет.

Империя не любила спектаклей, если сценарий писали не ее режиссеры.

— Мотив? — спросил я, не узнавая свой голос. — Хочу знать, за что умираю.

Он будто действительно задумался, подбирая слова.

— Вы опасны, — наконец произнес он. — Ваша мысль идет дальше трона. Дальше династии. Дальше установленных богом сословий. Вы хотите дать силу тем, кому предназначено лишь повиноваться. А Император — страж порядка. Его долг — уберечь мир от хаоса. И вас — от вас самих.

Любопытный перевертыш.

Я хрипло усмехнулся.

— Я думал, его долг — беречь Империю. Вместе с людьми, которые ее двигают.

— Империя — выше людей, — ответил он почти с нежностью. — А вы... слишком их любите. — И он неприязненно поморщился, а потом шагнул ближе.

Я бросил быстрый взгляд на ближайший артефакт защиты. Рунический щит над столом, отсекаТЕЛЬ заклинаний у окна, пара боевых амулетов в ящике — все казалось таким далеким, смешным и бессильным. Против человека, у которого за спиной вся воля монарха и вся мощь его тайных служб.

— Мне жаль, — искренне, без фальши произнес он. — Ваши труды будут сохранены. Ваши изобретения послужат престолу. Историю напишут так, чтобы вы остались героем. Просто... немного менее своевольным, чем в жизни.

— А тела сирот, которые сгорят в шахтах, добывая руду для ваших реакторов, тоже красиво опишут? — спросил я. — Или их сочтут сухой статистикой?

Его губы на миг дрогнули. Не робот. Жаль. Такие долго не живут.

— Я всего лишь инструмент, — тихо ответил. — Каким были и вы. Каким станут ваши машины.

Он поднял руку.

Я увидел, как на его ладони раскрывается печать — сложнейший узел рун, связывающий физическое, эфирное и душевное. Удар не по телу. Удар по сути.

Однако, я тоже был не безоружен. Мои ладони были исписаны тонкими линиями лабораторных чар, на запястье — скрытый амулет от вторжений в сознание, в сердце — уверенность, что я предусмотрел если не все, то многое.

Но против Императора, решившего, что ты лишний, нет абсолютной защиты.

— Прощайте, Константин Андреевич, — произнес убийца. — Ваше имя будет звучать в гимнах.

— Я еще заставлю вас запеть, — пробормотал я, активируя свой последний, экспериментальный протокол. — Всех вас.

Феникс. Девятая печать. Резервирование душевной матрицы, — пронеслось в голове. — Теория. Не опробовано. Шанс успеха — смехотворен.

Но лучше смехотворный шанс, чем покорная смерть.

Его печать вспыхнула белым, как полдень в степи. Моя — черным, как подземный лед. В лаборатории запахло паленым мясом и ладаном одновременно. Реактор завизжал, переходя в ультразвук. Мир взорвался светом и болью.

Мне прожгло грудь, голову, руки, а затем вывернуло на-

изнанку, как старую перчатку. Я почувствовал, как меня хватают за что-то, что не кости и не плоть, и рвут, тянут, дробят.

Последняя мысль, мелькнувшая в угасающем разуме, была о несправедливости. Не о боли, не о страхе смерти — о несправедливости. Столько знаний. Столько силы. Столько возможностей — и все исчезнет, потому что один трусливый монарх испугался перемен.

Темнота накрыла меня, как тяжелое одеяло.

И в этой темноте я закричал.

Не знаю, сколько это продолжалось. Может миг. А может целую вечность. Но, наконец, тьма отступила.

Я увидел Неву, сияющую серебряной лентой. Увидел далекие, словно игрушечные, шпили с куполами, и на миг решил, что это и есть смерть: медленный подъем над городом, которым я так долго пытался управлять сквозь формулы, шестерни и руны.

Петербург лежал подо мной, как на гравюре. Рассвет растекался по небу молочным покрывалом, подергивая крыши домов перламутром. На Васильевском горели сигнальные маяки порталов — красные, синие, зеленые точки в эфире. Над Литейной летел патрульный дирижабль с гербом Империи на борту, отбрасывая на площадь овальные тени. Между домами, как жуки, ползали самоходные кареты, искрились в воздухе телепортационные линии, вспыхивали и тухли ряды уличной магии.

Мой город. Моя Империя. Мой мир.

А затем меня дернуло вниз.

Это был не плавный спуск — рывок. Как будто кто-то ухватил меня за горло и швырнул обратно, но не туда, откуда я взлетел. Я мчался сквозь слои света и тьмы, в каждом вспыхивали чужие лица, незнакомые улицы, отдаленные крики. Мельком увидел заснеженную деревню, черный лес, чью-то сломанную судьбу, кровь на снегу — и снова провал.

Холод сменился жаром. Воздух вокруг потемнел, запахи стали густыми, липкими.

Гниль. Плесень. Затхлая моча. Пот давно невымытых тел. Угар дешевого каменного угля, которым топят не для тепла, а чтобы хоть как-то выгнать сырость. И еще — тонкая, с привкусом железа, кислая нота, знакомая до боли: детская кровь.

Меня швырнуло в эту вонь, как в яму.

Я ударился — всем сразу. Не головой, не спиной — всем своим естеством.

Оглушающая, плотная боль накрыла, как волна. В груди — будто раскаленный обруч, сжимающий ребра. В боку — тупой, злой огонь. Во рту — вкус железа и гнилого хлеба. Легкие не работали. Сердце... Я вообще не был уверен, что оно еще есть.

Мое тело дернулось, пытаюсь вдохнуть, но легкие ответили только влажным хрипом. Что-то теплое и соленое потекло из уголка рта вниз, по щеке, в ухо.

А потом я услышал голоса.

— Ну все, добил... — Где-то слева: грубый, сиплый, мужской.

— Сам виноват, крысеныш. Сказано было — не воровать с барского стола. — Второй: вязкий, ленивый.

Щелчок. Деревянная палка ударила обо что-то твердое.

Где-то в глубине подсознания прокатилось чужое, истерическое: «Бежать! Надо бежать! Но не сейчас. Пока не дышать, не шевелиться, а потом, как он уйдет... Лис не сдастся! Лис всех перехитрит!»

Лис?

Чужие мысли царапнули мое сознание, как когти по стеклу, и исчезли, растворяясь в моей собственной боли и отголосках затухающего заклятия.

Я попытался поднять руку — привычным, уверенным движением взрослого мужчины, привыкшего к тому, что тело ему подчиняется.

Рука оказалась тонкой. Легкой. Сухой, как палка.

Пальцы дрожали. Кожа на ощупь — горячая и жесткая, как пергамент, натянутый на слишком узкой раме. Костлявость. Никаких привычных мозолей от тонких инструментов и увесистых артефактных перчаток. Тут мозоли были другие — грубые, рваные — на ладонях и костяшках пальцев. Это были руки подростка. Руки того, кто привык драться за свое место под солнцем.

Я ребенок?

Собрав остатки воли в тугой комок, я заставил веки открыться.

Мир вокруг расплывался.

Сначала я видел только какие-то неясные пятна. Темное, коричневое, желтое, серое. Затем появились линии. Кривые бревенчатые стены, щели, из которых тянет стывшим воздухом несмотря на то, что на дворе лето. Потемневший от времени и грязи потолок с гирляндами паутины. В углу еле виднеется кособокий образок, к которому уже давно не поднимают глаза.

Это была не роскошная лаборатория с кварцевыми стеклами и руническими панелями. Я находился в сыром, ветхом и неотапливаемом помещении, которое кто-то по недоразумению назвал жильем.

Пол подо мной — не камень, а грубые, давно немывые доски. Щели между ними забиты мусором, крошками, запекшейся кровью. Сквозь одну из них пробивалась тоненькая травинка — зеленое упорство в царстве грязи.

Запах усилился. К нему добавился еще один — кислый дух прелой капусты и репы из соседнего помещения. Где-то булькал котел. Кто-то кашлял — сухо, надсадно, с хрипами, как старый сломанный мех.

Приют.

Я не сразу это понял, но, когда, наконец, осознал, внутри что-то холодно щелкнуло. В Империи немало приютов. Государственных — для отчетности. Церковных — для по-

казного милосердия. Частных — когда купец или аристократ желал искупить грехи алчности или просто произвести впечатление на нужных людей.

На деле большинство из них были складами ненужных душ. Мешками с будущей дешевой рабочей силой.

— Эй, — снова сиплый голос. Чьи-то тяжелые шаги приблизились, пол подо мной дрогнул. — Живой, што ли?

Мое новое тело, видимо по привычке, попыталось съежиться, убежать внутрь себя. Боль вспыхнула ярче. В глазах потемнело.

Надо дышать.

Я заставил себя вдохнуть еще раз. Воздух вошел в грудь рвано, как ржавая пила. Внутри что-то булькнуло. Легко было бы отпустить все: расслабиться, провалиться обратно в ту темную, равнодушную пустоту, что навалилась после удара Императорской печати.

Но я не был создан для легких путей.

Не для того я рвал душу сквозь миры, чтобы умереть под сапогом какого-то провонявшего дешевым пойлом выродка.

— Ж... живой, — прохрипел я. Голос сорвался на писк. Высокий. Подростковый. Совсем не мой.

Сверху раздался смешок.

— Слышал? Лисенок еще шевелится. Дерзкий, гаденьш. — Чьи-то пальцы схватили меня за ворот рубахи — грубой, линялой, пропитанной потом и кровью — и дернули вверх.

Боль в боку сузила мир до белого шума. Я повис, болтая

ногами. Ноги... Боже. Тонкие, как прутья. Ступни в рваных, почти без подошв, лаптях. Кожа на голеньях — в синяках и ссадинах.

Лисенок.

Кличка, метка. Значит, этот мальчишка жил здесь достаточно долго, чтобы получить имя. Не официальное, записанное в приютской книге, но свое, дворовое. За хитрость? За рыжие волосы?

Я попытался сфокусировать взгляд.

Передо мной — лицо. Толстое, одутловатое. Прожилки лопнувших сосудов вокруг водянистых глаз. Красный нос, раздавленный, как переспевший помидор. Неровная щетина. На лбу — грубо наколотый символ какого-то малоизвестного монашеского братства, наверное, чтобы напоминать самому себе, что когда-то был ближе к храму, чем к кабаку.

Смотритель. Надзиратель. Мелкий царек в этом королевстве грязи.

— Гляди, и правда живой, — протянул он. — Ишь ты, Лис, опять вывернулся. Поди думал, что если хлеб украдешь, то левитаться научишься, а? — Он захохотал своей же шутке, пуская вонючий перегар мне прямо в лицо.

Я чувствовал, как в глубине, под слоем чужих воспоминаний и боли, поднимается старое, знакомое чувство — холодная, расчетливая ярость. Не вспышка, нет. Расплавленный металл, который пока еще в тигле.

Когда-то я мог одним жестом превратить этого хряка в

каменную статую, а затем — в пыль. Сейчас... сейчас я не мог даже увернуться от удара его грязной лапы.

Пока не мог.

— Не... крал, — зубы застучали, слова обрываясь на осколки. Чужие уста, чужие привычки речи. Где-то на заднем плане зашептал тот, прежний Лис: «Молчи, дурак! Молчи! Не высовывайся...»

Но я не умел молчать, когда меня били за то, чего я не делал. Да даже если и за то, что делал.

Надзиратель прищурился.

— Что, решил в праведника сыграть? — Он встряхнул меня, как котенка. — Кто хлеб от барыниной плошки уволок? Не ты, значит? Сам к тебе в карман прыгнул?

Я чувствовал его мысли. Не напрямую — инстинктом. Он не боялся, что я умру. Для него моя жизнь ничего не стоила. Сдохнет один — привезут другого. На окраинах Петербурга сирот больше, чем блох на его рубахе. Потому он и бил так, как бил: от души, с наслаждением.

Я глубоко вдохнул еще раз. Воздух жег легкие, но вместе с этим жжением в грудь вошло нечто знакомое. Эфир.

Слабый. Разреженный. Как если бы я пытался зачерпнуть море ладонью, а ухватил лишь несколько капель. Детское тело. Хилые каналы. Простолоудин без дара. Максимум, что есть, так это чуйка на уличную магию, подворотенные трюки.

Но, в отличие от того, прежнего Лиса, я не был ребенком.

Моя душа помнила, как обращаться с бурями.

Я прищурился, собрал клочок эфира, что вился в воздухе — остатки каких-то старых, давно поставленных оберегов, молитв, шепотных заговоров нянек. Это был мусор для серьезного мага, пыль. Но пыль тоже можно обратить в порошок, если знаешь, что делать.

Щепотка силы легла на язык, как соль. Я прошептал — почти беззвучно — крохотную формулу. Не заклинание, нет. Привычную лабораторную команду, которой когда-то оживлял механических мышей для опытов. Без жестов, без знаков.

Этого хватило, чтобы по коже надзирателя пробежал легкий разряд.

Совсем слабый. Как укус комара.

Но он вздрогнул, глаза расширились.

— Што за... — Он уставился на свою руку, все еще держащую мой ворот. На коже выступили крошечные, едва заметные искорки. — Ведьмачья морда... — прошептал он, и в этом шепоте впервые послышался страх.

Я не улыбнулся. Мне было слишком больно.

— Отпусти, — выдохнул я.

Это не была команда, подкрепленная настоящей силой. Скорее — привычка говорить так, чтобы тебя не только слышали, но еще и слушались. Порой правильно подобранная интонация делает больше, чем любая магия.

Надзиратель моргнул, словно опомнившись, но тут же

злость победила страх, и он швырнул меня на пол.

Тот встретил меня жестко. В груди что-то хрустнуло. Мир на мгновение перевернулся. Я зажмурился и крепко стиснул зубы, чтобы меня не вырвало.

— Ведьмачок нашелся... — прорычал тот, топая вокруг. — Я из тебя всю нечисть выбью, понял? Чтобы больше такого не было! В могилу сведу, глазом моргнуть не успеешь.

Скорее всего, это была не пустая угроза.

Я слышал, как они со своим дружкой уходят. Как тяжелые шаги удаляются к двери. Раздался скрип петель, лязг ржавого железа. Захлопнулась дверь, отсекая часть света и почти весь свежий воздух.

Тишина.

Не гробовая — неподалеку кто-то шмыгал носом, тихо всхлипывал, кашлял. Но вокруг меня на пару локтей — кольцо пустоты. Даже дети чувствовали: лучше держаться подальше от того, кого только что чуть не забили до смерти.

До смерти.

Фраза вернулась, как кувалда.

Я... умер. Там, в лаборатории. Мое тело, взрослое, сильное, пропитанное магией, сейчас, вероятно, уже остывает под присмотром Императорских врачей и следователей. Они запишут: «несчастный случай во время эксперимента», «взрыв реактора», «трагическая гибель».

Мое имя обрядят в траур, мои труды перелопатят, пригодное — присвоят, опасное — сожгут или спрячут под се-

мью печатями.

Но я — не там.

Я здесь.

В грязной норе на окраине столицы. В теле четырнадцатилетнего мальчишки по кличке Лис, которого били так, что душа не выдержала и шагнула за порог, освобождая место для меня.

И я жив.

Это главное. Я был жив, и мой разум остался при мне. Знания — десятилетия исследований, тысячи формул, сотни открытий — все было здесь, в голове. Мощь, спрятанная под личиной слабости.

Император думает, что избавился от меня? Пусть думает.

Константин Радомирский умер. Но его знания, его гений, его жажда справедливости — живут. В теле приютского мальчишки по кличке Лис.

Я недобро ухмыльнулся разбитыми в кровь губами.

Что ж, Ваше Императорское Величество. Вы совершили ошибку.

Вы убили меня один раз. Второго шанса у вас не будет.

Глава 2

Я осторожно перекатился на бок. Мне было хорошо известно, как просто при подобном движении проткнуть себе легкое обломком ребра. Боль вспыхнула, но уже не ослепляющим белым пламенем, а мутным, вязким жаром. Значит, кости, похоже, целы... Максимум — небольшие трещины. Но была и плохая новость: что-то внутри меня все еще булькало и хрипело.

Я осторожно провел по груди рукой — легкой, неказистой, чужой. Нашел ребром ладони грудину, прощупал межреберья. Дыхание — верхнее, поверхностное. Так и нужно. Дышать глубоко пока не стоит. Для начала следует еще раз убедиться, что все ребра на месте. Низ живота тянет болью, но острой отдачи нет — печень, селезенка, похоже, тоже в норме. А вот голова гудит, как после неудачной попытки войти в глубокий эфирный транс.

Профессиональный интерес к собственным травмам — одно из немногих удовольствий, доступных ученому в любой ипостаси.

Ладонь невольно скользнула выше, к ключице, к шее, потом опустилась чуть ниже, к груди. Я на миг застыл. Кожа под рубахой обожгла пальцы. Не жаром лихорадки — чем-то другим.

Там, где у Константина Радомирского должна была кра-

соваться метка Магической печати, на теле Лиса чувствовалось слабое, но вполне отчетливое излучение. Не эфирное в обычном понимании — глубже, как тонкий отзвук в самой структуре души.

Феникс. Девятая печать.

Я прикрыл веки, сконцентрировался, протянул к этому ощущению тончайшую ниточку внимания. В ответ — едва слышный шорох. Как если бы где-то в глубине меня, в неприступном архиве, перелистнули первую страницу толстой книги.

Образы вспыхнули один за другим, но уже не как хаотичный поток изломанных посмертных видений, а упорядоченные, послушные. Схемы. Рунные цепи. Формулы. Воспоминания всплывали строго по тем разделам, на которые я мысленно указывал.

Работает.

Не так, как я рассчитывал — я-то мечтал о полноценном резервировании личности с возможностью восстановления тела. Получилось... нечто иное. Но результат бесценен: мои знания были не просто спасены — они были аккуратно упакованы и встроены в эту юную, измотанную оболочку без перегрузки неокрепшего мозга.

Я ухмыльнулся. Думаю, если бы меня сейчас кто-нибудь увидел, то сказал бы, что я окончательно спятил: полуживой подросток с окровавленным лицом, с побитыми до синевы ребрами, и с абсолютно довольной усмешкой.

Ладно. С печатью разобрались. Она есть. Она жива. Значит, у меня теперь уже точно есть доступ к собственной памяти, а не только к тому, что успело подкинуть тело Лиса.

Кстати, о нем.

Я осторожно коснулся лбом темной, замызганной доски пола, позволяя боли немного усилиться. Это всегда помогало сосредоточиться на глубинных вещах. Где-то в тени сознания, как пугливый зверек, жался тот, чье место я занял.

— Лис, — мысленно позвал я. Без приказа, без магического нажима. Легко и ненавязчиво. Как человек зовет хорошего знакомого.

Сначала — тишина. Потом, на самом краю, шорох. Образ: быстрые ноги, скользящие по мокрой мостовой. Темный двор. Свист. Рука, ловко ныряющая в чужой карман. Смех. И тут же — крик. Хруст. Удар в бок. Черная боль. И отчаянная, звериная мысль: «Не-ет! Не сдохну! Лис не сда...»

Оборвалось.

Он был слаб. Слишком слаб, чтобы выдержать удар печати Феникса, от которого я — подготовленный к эфирным нагрузкам опытный маг — лишь на время потерял сознание. Душа Лиса только что оторвалась от тела и ушла. Почти вся. Оставив после себя лишь тонкий отпечаток — набор привычек, инстинктов, несколько самых свежих воспоминаний. Бессистемных, но... полезных.

Я позволил этим обрывкам скользнуть ко мне. Аккуратно, не смешивая их с собой, не пытаюсь стать Лисом. А всего

лишь стараясь понять, как он жил, с кем говорил, кого боялся.

Картинки пошли одна за другой.

Сырая улочка у Обводного канала. Вывеска: «Благотворительное заведение святого Никодима для обездоленных детей». В народе — просто «Никодимовская яма». Монахи в выцветших рясах, зрители с палками, кухарка с глазами-щелочками, в которых отражалось снисходительное презрение ко всем сиротам.

И еще — лица детей.

Тощая девчонка с затравленным взглядом и густой русой челкой, вечно запроваженной за ухо — Мышь. Потому что может протиснуться в любую щель. Парень помладше, хромой, с самодельной клюкой — Костыль. Еще один, с громким хриплым голосом и рваной ухмылкой — Тим. Несколько старших, уже почти взрослых, тянущихся к городским шайкам. И он — Лис. Русая пакля волос, серые глаза с прищуром и привычка все время считать: шаги, удары, куски хлеба.

Он зарабатывал для себя. И для некоторых других. Карманы на Сенной, яблоки с лотков, куски хлеба с барских столов, если повезет проскользнуть на кухню богатого дома вместе с носильщиком. Иногда — передача писем, не слишком законных. Впрочем, приюту до этого особого дела не было, пока часть добычи оседала в кармане надзирателя.

Надзирателя звали Семен Филаретович, но для всех он

был просто Семен. Или, шепотом, — Гаденыш. Когда никто из взрослых не слышал.

Я открыл глаза.

Мимо, стараясь не смотреть в мою сторону, протащилась чахоточная фигурка — один из младшеньких, то ли Петька, то ли Васька: у Лиса в воспоминаниях такие путались. Потом в дальнем углу кто-то тихо заскулил во сне. Вонь от котла усилилась — значит, скоро будут разливать баланду. Живот отозвался пустой, глухой болью.

Я медленно перевернулся на спину, стараясь не застонать. Доски уперлись в лопатки. Где-то над головой из щелей пробивались тонкие струйки света — утро понемногу набирало силу. Я пригляделся повнимательней. По углу луча определил местонахождение приюта: примерно юго-запад. Значит... Если я правильно помню план Петербурга, приют Никодима должен находиться где-то в районе Обводного, ближе к Нарвской заставе. Там фабрики, заводы, дешевые трущобы. И... множество мест, где можно затеряться. А также добыть то, что мне нужно.

Империя построила целый подземный пласт, на котором держится ее благополучие. Уголь, руда, рабочие руки. Я собирался использовать этот пласт как стартовую площадку.

Тем временем Петербург просыпался и начинал жить своей обычной жизнью: маги, министры, дирижабли, каналы... и приют, где четверть детей умрет зимой от холода и чахотки, а остальные уйдут в никуда, растворившись в подворот-

нях, фабриках и рудниках.

Систему нельзя починить, не заглянув под обшивку. Император сам швырнул меня сюда. Благодарить его за это я не собирался — но использовать подарок намеревался до последней крошки.

Для начала — выжить.

Я снова втянул в себя воздух, на этот раз чуть глубже, чем до этого. Выдыхая, осторожно, по капле, направил эту струйку вместе с теми жалкими остатками эфира, что крутились в помещении, в простейшее, почти детское упражнение: стабилизация дыхания, снятие поверхностного спазма.

Когда-то я показывал его студентам-первокурсникам, которые после первых же опытов с эфиром выбегали из лаборатории зеленые, с головной болью и металлическим привкусом во рту. Тогда это казалось такой пустяковиной.

Сейчас — было жизненно важно.

Баланс на лезвии ножа: дать легким чуть больше пространства, но не спровоцировать кровотечение в поврежденных тканях. Я ощущал свои внутренности лучше, чем некогда чувствовал сложнейшие механизмы. Тело — тоже машина. Гораздо более капризная, но подчиняющаяся тем же принципам.

Пять вдохов. Пять выдохов. Пот выступил на лбу. Вкус ржавчины во рту стал чуть менее навязчивым. Хрип — немного тише. Хорошо. Больше пока не стоит — слишком мало ресурсов.

С улицы донесся звон колокола — глухой, надрывный. Время вставать на молитву. Для некоторых — в прямом смысле: детей сгоняли в общую комнату, заставляли брякаться коленями на холодный пол, пока монах бубнил над ними свои заученные фразы.

Я двинул пальцами — сначала правой рукой, потом левой. Работа с мелкой моторикой давалась тяжело: суставы ныли, каждая кость протестовала. Но пальцы слушались. Уже неплохо.

— Эй, Лис... Ты живой? — раздался справа тихий шепот. Я повернул голову.

В полутьме, прижавшись к стене, сидела Мышь. Та самая, из чужих воспоминаний. Но вживую на нее вообще без слез нельзя было смотреть. Слишком худое лицо, костлявое тело и огромные голодные глаза. Однако взгляд цепкий, внимательный. Она боялась. Но любопытство пересилило страх.

— Как видишь, — прохрипел я. Голос все еще звенел неестественно высоко, но в нем уже появилась знакомая хрипотца — дань долгим лабораторным ночам с кислотными парами. В таком теле это звучало весьма необычно.

Мышь скривилась.

— Семен сегодня злой, — прошептала она. — Барынина кухарка вечером к смотрителю ходила. Жаловалась. Сказала, что, если еще раз кто залезет, батюшка-настоятель сам придет. Настоятель, Лис! Ты что, вообще, дурной, что ли?

По обрывкам памяти я знал: настоятель — фигура се-

рзьяная. Не просто монах, а маг третьей ступени с лицензией Синклита на «духовно-попечительскую деятельность». Здесь это означало, что он имеет право применять к детям простейшие внушения, обереги... и кое-какие карательные практики.

— Не крал я, — выдохнул я. И, сам себе удивившись, добавил: — В этот раз.

Мышь фыркнула, но глаза у нее ненадолго потеплели.

— Все ты врешь, — сказала она без особой злости. — Ты всегда врешь. Поэтому и Лис.

Вежливый комплимент. В моей прошлой жизни лучшие дипломаты Империи добивались такого прозвища годами.

— Скажи лучше, — я приподнялся на локте, заставляя себя не морщиться, — где Костыль?

Она насторожилась.

— А тебе што? — в голосе прозвучала привычная настороженность. В приюте любой интерес к другому ребенку почти наверняка сулил ему неприятности.

— Ничего, — с напускным равнодушием отозвался я. — Дело есть. Но не сейчас. Скажи только: он жив? Семен его не трогал?

На лице Мыши промелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Костыль на чердаке ночевал, — ответила она после паузы. — Сказал, что не дурак под руку Семену лезть, пока он тобой занят.

Я кивнул. Значит, в этой стае все-таки есть крупницы разума. Судя по воспоминаниям Лиса, мы с Костылем вчера вдвоем на дело пошли. Он на шухере стоял. Потом, видимо, смекнул, что после истории с хлебом надзирателю нужно выпустить пар. Подумаешь, один Лис с тяжелыми побоями — обычное дело. А если бы рядом с ним болтался еще и хромой — досталось бы обоим.

— Ладно, — сказал я. — Не суйся ко мне пока. Пусть Семен думает, что я еще полумертвый.

— А ты... не полумертвый? — искренне удивилась Мышь.

Я позволил себе тонкую, почти невидимую улыбку.

— Нет, — ответил я. — Я очень даже живой.

Она поежилась от этого тона — нутром почуяла что-то странное, непривычное — и тихо, по-мышьиному, ускользнула в дальний угол.

Оставшись один, я вновь на мгновение прикрыл глаза.

Итак. У меня: исхудавшее подростковое тело с набором повреждений средней тяжести, примитивная чуйка к эфиру, приют на городской окраине, грозящий в любой момент превратиться в тюрьму, и целый мир за стенами, в котором я официально числюсь мертвым.

Неплохой стартовый капитал для дальнейшего роста.

Для начала мне требовалась лаборатория.

Не эфирные конденсаторы, не кристаллические матрицы

и не серебряные реторты с гравировкой фамильного герба — а миска, огонь и хотя бы три вещества, которые можно заставить вести себя согласованно друг с другом.

В приюте с этим было туго.

Когда нас согнали на молитву, я покорно поплелся вместе со всеми, чуть прихрамывая. Легко сутулиться, чуть сильнее выдохнуть на каждом шаге — и окружающие тут же решат: «ну да, едва живой, такого лучше не замечать». Правильно подобранные маски умеют работать в любом возрасте.

Общая комната была такая же серая, как и все в этом месте: голые стены, блеклый образок на передней стене — иконостас бедности и равнодушия. Дети становились рядами, шмыгая носами. Я опустился на колени аккуратно, инстинктивно подбирая позу, при которой ребра меньше всего протестовали.

Настоятель действительно пришел.

Высокий, прямой, как палка, в выцветшей рясе, на которой проглядывали следы старых, дешевых чар, смотревшихся довольно неприглядно, будто засохшие пятна воска. Лицо узкое, под глазами — тени, взгляд цепкий и колючий. Маг третьей ступени. Значит, не дурак. Но и не гений. Таких я видел сотни.

Он прошел вдоль рядов, рассеянно осеняя детей крестом. Эфир вокруг него дрожал, как горячий воздух над каменкой. Привычные молитвенные формулы, обереги от простуды и нечистой силы, легкие подаватели чужой воли.

Я машинально оценил рисунок рунной сетки, которой он был опоясан. Примитив. Зато надежно и дешево. Империя любила такие решения, когда дело касалось низших слоев.

Когда его тень упала на меня, я опустил взгляд чуть ниже, чем того требовал этикет даже в приюте. Не раболепие, а усталость. Взрослые лучше всего реагируют на усталость: она их не раздражает, а льстит — значит, дитя ломается, как «и должно».

— Этот... — голос настоятеля был сухой, как старый пергамент. — Жив?

Семена рядом не было, но какой-то помощник в сером подпоясанном кафтане торопливо закивал:

— Жив, батюшка. Урок понял.

Настоятель задержал на мне взгляд. Я очень аккуратно позволил себе чуть резче выдохнуть — легкий хрип, еле заметная дрожь плеч.

Он всмотрелся внимательнее. Я почувствовал, как его сознание нащупывает в эфире мой отпечаток — проверяет, не растет ли в приюте что-нибудь лишнее: несанкционированный дар, стихийный прорыв, подселенец.

Девятая печать Феникса тихо шевельнулась где-то в глубине, как огромная птица, пригибающая крылья, скрываясь от чужого взора. Я не стал препятствовать осмотру — наоборот, позволил верхнему слою собственной ауры провалиться, стать тоньше, прозрачнее. Пусть видит: измученный подросток, чуть повышенная чувствительность к эфиру, ника-

кого оформленного дара.

Настоятель нахмурился, но, похоже, остался удовлетворен.

— Молись усерднее, дитя, — произнес он дежурной фразой. — Господь терпел — и нам велел.

Я с трудом удержался от комментария, вспоминая, как «терпели» его коллеги, когда Император даровал им новые кафедры и привилегии в обмен на лояльность. Однако сейчас не время для богословских споров.

Пускай считает меня смирившимся. Это будет моя главная защита.

Молитва тянулась, как кисель. Я едва слушал слова, занятый куда более важным делом: инвентаризацией происходящего.

Запахи. Звуки. Ощущения.

От детей шел тяжелый дух пота, плесени, затхлых одеял, дешевой перловки. У кого-то на воротнике засохла зеленая полоска — значит, в местной жалкой стряпне есть хотя бы капуста. В котле с бульоном плавали редкие кусочки серого жира — не сливочное масло, конечно, но животный жир уже сам по себе ценность.

От стен несло сыростью. В пыльных щелях проглядывали остатки старого известкового раствора. Из окна тянуло дымом — явственно угольным. Значит, где-то во дворе есть куча шлака, золы, возможно, недогоревшие угли.

Кухарка, протискивающаяся между столами в дальнем

конец комнаты, несла большую кастрюлю — остатки вчерашнего ужина. Я принюхался внимательнее. Капуста, брюква, немного луковой шелухи, старый черствый хлеб, разваренный до неузнаваемости. Очень слабый запах уксуса — или это уже прокисший рассол?

Уксус мне был нужен.

Молитва закончилась, дети повалили к котлу. Мне выдали миску с тем же благодатным пойлом, что и всем. Я съел ровно половину. Вторая половина отправится в дело.

— Ты чего? — Мышь уставилась на меня, как на сумасшедшего. У самой миска была вылизана до блеска. — Сдурел? Там же еще... кусочки есть.

— Потом доем, — ответил я и, не вдаваясь в объяснения, медленно поднялся. Ноги подрагивали, но держали.

В углу, за бочкой с водой, я заметил кривобокий глиняный горшок с треснувшим краем. Идеально. В приюте любые бесхозные предметы ничейные, пока на них кто-то не наложит лапу. Я подошел, не торопясь, взял горшок так, словно всегда им пользовался, и заглянул внутрь — чисто. Удовлетворенно хмыкнув, я перелил в него остатки своей похлебки.

Мышь тут же нарисовалась рядом.

— Ты чего делаешь, Лис? — она понизила голос, будто я собирался сотворить нечто запрещенное. Впрочем, с ее точки зрения так оно и было.

— Экспериментирую, — сказал я. — Хочешь — пойдем, покажу.

Она ошарашенно заморгала. Намеки на какие-то там «эксперименты» звучали в этом месте почти как богохульство.

Я выглянул в коридор. Никого из взрослых не было видно: Семен, судя по вибрации стекол и гулким крикам, выяснял что-то с помощником во дворе. Настоятель убрался к себе. Кухарка орудовала половником на кухне, ругаясь, как портовый грузчик.

Времени — немного. Но достаточно.

Итак — за дело!

Глава 3

Я выбрался с горшком во двор. Дышать здесь было гораздо легче, несмотря на запах навоза и отходов. За сараем, в котором хранили дрова и какие-то никому не нужные доски, приютился маленький закуток. Судя по воспоминаниям Лиса, сюда никто особо не совался: удобных палок для побоев не было, спирта — тоже. А значит, здесь отныне будет мое «отделение радикальной алхимии».

Сначала — ингредиенты.

Я опустил на корточки, поставил горшок с остатками похлебки на примятую траву и осмотрелся. Земля была изрыта, местами — голый грязный камень, местами — кочки сорняков. Неприметная зелень, которую в приюте воспринимали как досадное недоразумение. Для меня же — настоящий лабораторный сад.

Подорожник, к моему удовлетворению, рос в щели у стены: широкие, крепкие листья, уже слегка примятые чьи-то ногами. Подорожник — лекарство столь же старое, как само человечество. Кровоостанавливающее, противовоспалительное, если знать, как извлечь нужные соки.

Я сорвал несколько листьев. Рядом — лопух, молодой, еще не успевший превратиться в колючий кошмар. Корень лопуха — кладезь: слабый детокс, поддержка печени. Но это позже. Сейчас мне нужны были листья: они хорошо борются

с жаром и воспалением.

У забора, возле самого гнилого столба, виднелись ростки крапивы. Детям она доставляла только неприятности, а для меня была настоящим сокровищем. И раны вместе с подорожником подлечит и воспаление снимет. Я — аккуратно, за самый низ стебля — обломал пару веточек. Жгучие волоски полезны и почти безболезненны, если их правильно согнуть пальцами.

После этого я вернулся к своему горшочку. Похлебка в нем еще не успела сильно остыть. Итак, у нас в наличии — вода, растительные компоненты, соль, немного жира, капля уксуса и крахмал из хлеба. И теперь это не просто еда. Это бульон реагентов. В него можно добавить то, что нужно, и получить более-менее сносное лекарство.

Настоящая алхимия всегда начинается с признания: мир уже сделан так, как надо. Нужно только чуть-чуть поправить пропорции.

Я взял листья подорожника, тщательно очистил их от пыли, а потом сжал в ладони, чувствуя, как под тонкой кожей рук выступает сок. В нормальных условиях я бы использовал пресс, спиртовую вытяжку, фильтрацию. Здесь — я просто помял листья до тех пор, пока они не превратились в зеленую жижу, которую я благополучно отправил в горшок. Туда же бросил несколько свежих, но уже не жгущихся листиков крапивы, пережатых между пальцами до состояния кашицы. Затем добавил мелко порванный лист лопуха.

Но это еще не все.

Соль и зола — два брата: первый отвечает за порядок в воде, второй — за силу огня, еще не до конца угасшую. Чуть-чуть золы, прихваченной из ведра возле кухни, щепотка соли, позаимствованная там же — все это также пошло в общий котел.

Мышь, которая, разумеется, не удержалась и проследила за мной, присела метрах в трех, вытаращив глаза.

— Фу-у, — сказала она искренне, когда я добавил золу.
— Ты это че, жрать собрался?

— Ага, — спокойно ответил я. — Но и тебе не помешает. Дышишь, как сломанный мех. Внутри все хрипит.

Она поперхнулась от неожиданности.

— Я? Сдурел? Я это... я лучше схохну от кашля.

— Не схохнешь, если будешь меня слушаться, — отмахнулся я, медленно помешивая содержимое горшка березовой веточкой. — Это не яд. Это лекарство.

Слово, казалось, вообще не вязалось с тем, что она видела.

— Лекарство — это... ну... капли у доктора, — неуверенно возразила Мышь. — Горькие. А это... с виду настоящая гадость.

— Разницы нет, — я слегка улыбнулся и покачал головой.
— Лекарство — это правильно подобранная гадость. Чем богаче врач, тем дороже пузырек и тем красивее этикетка. Содержимое от этого не меняется.

Она сморщилась.

— Ты как бабушка говоришь... только не про бога, а про гадость.

Я хмыкнул.

— Бабушка говорит, чтобы ты терпела. Я хочу, чтобы ты меньше кашляла.

Она инстинктивно прикрыла верх груди ладонью, будто я заметил то, что она старательно скрывала. Кашель здесь был приговором. Не быстрым, но вполне понятным: если с осени начнешь задыхаться по ночам — к весне тебя уже никто по имени не вспомнит.

— Оно... поможет? — прошептала Мышь, стараясь, чтобы это звучало презрительно. Не вышло — в голосе промелькнула слабая надежда.

Я посмотрел в горшок.

Жижа выглядела так себе. Серо-зеленая, с плавающими ошметками и неровными хлопьями. Запах был чуть лучше, чем вид: капуста, трава, слабая кислинка золы.

В нормальной лаборатории я бы за такой «настой» выгнал практиканта в архив пыль сортировать. Но сейчас это было лучшее, что у меня имелось под рукой.

Но оставался еще один компонент. Самый важный.

Я поставил горшок между колен, обхватил ладонями его края, как когда-то обхватывал кристаллический реактор, и медленно втянул воздух. Эфир был разреженным, грязным, с примесью детских страхов, дешевых молитв и бытовых заговоров кухарки. Но даже мутную воду можно отфильтро-

вать.

Я закрыл глаза и представил себе не роскошные рунические панели, а простую штуку: сито. Сначала — крупное, потом мельче, еще мельче. Все тяжелые, грубые вибрации — прочь. Оставить только то, что связано с ростом, с лечением, с очищением.

Это было даже не заклинание, а привычка. Легкое структурирование поля. Я шепнул себе под нос пару слов — старую лабораторную команду стабилизации среды, — и ощущение вокруг горшка чуть изменилось. Как если бы жидкая смесь внутри стала гуще, собраннее.

Для стороннего наблюдателя происходящее, должно быть, выглядело весьма странно: полуживой подросток обнимает остатки своего завтрака и смотрит в него, как рыбак в зимнюю лунку. Мышь нервно замерла, но не убежала. Любопытство — двигатель прогресса.

Я убрал руки.

— Теперь точно лекарство, — сказал я. — Пробовать будем по чуть-чуть. Ты — первая.

— Почему я? — тут же возмутилась Мышь.

— Тебе нужнее. Ты уже и так задыхаешься по ночам, — спокойно ответил я. — Я слышал, как ты сегодня кашляла. Если я ничего не сделаю — ты умрешь к зиме. Если сделаю плохо — умрешь чуть раньше. Статистика не сильно изменится, а наука — продвинется.

Она уставилась на меня так, словно пыталась понять, из-

деваюсь я или нет.

— Да ладно, шучу я. Это реально поможет, — улыбнулся я.

— Ты... какие-то шутки у тебя дурацкие, — наконец выдала она, но губы дрогнули. Про смерть тут не шутят. Она всегда ходит где-то рядом.

— Послушай, — я немного смягчил голос. — Я не обещаю чудес. Но я знаю больше, чем доктор и батюшка вместе взятые. И мне нужно проверить одну вещь. Ты же хочешь и дальше прогуливаться по двору вместо того, чтобы лежать под одеялом и хрипеть? Тогда успокойся и не ной.

Я огляделся по сторонам. Была одна проблема: строгая дозировка. Смесь получилась густой и насыщенной. Да и с золой, что я добавил в горшочек, лучше не шутить. Но у меня не было ни ложки, ни даже захудалого глиняного черепка, чтобы отмерить жидкость. Тогда я на миг закрыл глаза, вытянул из воздуха еще немного эфира и направил его в правую ладонь, пока не начало ощутимо покалывать кожу. Ну все, вроде бы готово. Можно действовать.

Я налил в ладонь немного мутного отвара. Теплый, слегка вязкий. Со стороны все, что я делал выглядело, как махровая антисанитария. Но это только на первый взгляд. Эфир, прошедший через мою руку, обладал антисептическим действием. Полностью он, конечно, обеззараживать не мог. Но поверхности становились заметно чище. Особенно, если сравнивать с грязной посудой, из которой воспитанники приюта

ежедневно принимали пищу.

— Нужно чуть-чуть, — пояснил я. — Глоток. Потом посидишь, прислушаешься к ощущениям. Если станет хуже — скажешь. Если лучше — тоже сообщишь. Поняла?

Она нерешительно подползла ближе, глядя то на меня, то в горшок.

— Оно... не... — она сглотнула, подыскивая слово, — не ведьминское?

Я усмехнулся.

— Ведьмы дорого берут. Я же работаю бесплатно. Пока. Ну все, открывай рот.

Она подчинилась. Детская привычка слушаться того, кто говорит уверенно, сработала лучше любых чар.

Я аккуратно влил ей в рот содержимое ладони. Она сморщилась, зажмурила глаза, но проглотила.

— Гадость, — выдавила Мышь, когда смогла говорить. — Кислое, как... как рассол в бочке, когда капуста уже все.

— Зато за даром, — заметил я. — Сиди. Дыши медленно. Носом — вдох, ртом — выдох. Постарайся, чтобы вдох был вдвое короче выдоха.

Она послушно задышала, как я сказал. Я прислушался к хрипам. Они все еще были, но чуть изменились: стали глубже, влажнее. Хороший признак: что-то внутри сдвинулось с мертвой точки.

Я тоже принял дозу отвара, а затем подождал с четверть часа, внимательно наблюдая за своими ощущениями и за

Мышью. После этого мы приняли по еще одной небольшой порции. Девчонка поморщилась, но на этот раз проглотила снадобье быстро и без особых опасений. Мы посидели еще немного. Мышь смотрела на меня, как на фокусника. Раза два после этого она все-таки закашлялась, но кашель у нее вышел уже не тот сухой, рвущий, а с мокротой. Она удивленно выгнула спину, села ровнее.

— В груди... щекотно, — призналась она. — Будто там что-то шуршит. Но не режет.

— Отлично, — удовлетворенно кивнул я. — Если к вечеру начнет обильно отходить мокрота — значит, все работает. Главное — не глотай ее. Проглотишь — снова начнешь кашлять.

Она скривилась.

— Ты мерзкий, Лис.

— Зато живой, — напомнил я. — И постараюсь сделать так, чтобы ты тоже жила.

Мышь еще немного посидела. Потом, когда стало ясно, что отвар принес только пользу, она поднялась и засобира-лась.

— Спасибо, Лис, — нерешительно выдала она. — А если... если поможет... можно еще?

Я кивнул.

— Можно. Но тут главное не переусердствовать. Болезнь за день не пройдет. Понаблюдаю за твоим состоянием. А там, если все будет нормально, найду еще одного сопля... паци-

ента.

— Тим, — сразу подсказала Мышь. — У него вечно горло болит. Он зимой снег ест.

— Замечательная привычка, — иронично пробормотал я. — Тогда Тим будет вторым. Но, Мышь... — я пристально посмотрел на нее. — Никому ни слова про то, что я тут делаю. Поняла? Ни батюшке, ни Семену, ни приютским слюнятям. Чем тише мы себя ведем — тем меньше нам в итоге прилетит.

Она с готовностью кивнула.

— Я... я умею молчать. Если надо.

Я ей поверил. Не потому, что она так сказала, а потому что в моей памяти — точнее, в тех обрывках, что достались мне от Лиса, — было слишком много ситуаций, где лишнее слово означало еще один синяк.

Когда она убежала, я остался наедине с горшком и холодной стеной.

Первый опыт проведен. Испытуемый жив, даже немного ободрился. Побочных эффектов пока не наблюдалось. Неплохо для смеси, сваренной в щели между дровяным сараем и старой стеной.

Я медленно сел, прислонившись спиной к доскам, и прикрыл глаза.

В голове уже выстраивался список того, что мне нужно:

1. Постоянный доступ к воде и теплу.
2. Несколько устойчивых растений — подорожник, кра-

пива, лопух, полынь, мята, тысячелистник, а если повезет найти — то и календула.

3. Источник кислоты — уксус, квасной осадок или хотя бы кислые щи.

4. Черствый хлеб, зола, ржавчина — для простейших минеральных вытяжек.

5. Люди, пациенты — материал для наблюдения.

Пятый пункт у меня уже был в избытке.

А вот с остальными следовало срочно разобраться.

Вечером, после целого дня изнурительной работы я вернулся в закуток за дровяным сараем. До ужина оставалось еще немного времени, и я намеревался провести его с пользой. За мной, уже по привычке, увязалась Мышь. С собой мы прихватили новую порцию похлебки, на которую в обед скинулись уже вдвоем. Старое снадобье к этому времени пришло в негодность. Следовало приготовить еще одну порцию. Только регулярный прием мог обеспечить устойчивое выздоровление.

Весь процесс не занял много времени. Мышь приняла новую дозу лекарства и, присев на корточки, с облегчением прислонилась спиной к забору. А я тем временем пытался прикинуть, как безопаснее всего подобраться к кухне и угольной куче.

В этот момент земля под ногами едва заметно дрогнула, но не от эфира, а от чьих-то тяжелых шагов.

Тень легла на закуток.

— А это что тут у нас за цирк уродов? — протянул ото-звавшийся в памяти Лиса голос. Хрипловатый, с фальши-вой ленцой, за которой пряталась готовность в любой мо-мент врезать.

Я поднял голову.

В проход между сараем и стеной втиснулся парень постар-ше. Лет шестнадцати-семнадцати. Высокий, но не длинный, как жердь, а плотно сбитый, почти квадратный. Плечи широ-кие, шея короткая, как у быка. Физиономия кирпично-крас-ная, почти бордовая, гармонично совмещающая следы улич-ных драк, дешевого пойнла и плохой наследственности. Ще-ки распухшие, нос приплюснутый, как будто его уже мно-го раз ломали. Глаза маленькие, глубоко посаженные, цвета мутной лужи. Губы толстые, в трещинах, уголки вечно дер-гаются — то ли от злости, то ли от желания усмехнуться.

Кирпич.

Воспоминания Лиса продолжили выдавать информацию: сцены, запахи, обрывки фраз.

Главный среди старших воспитанников. Правая рука Се-мена, когда тот не хочет напрягаться лично. Собирает с ма-лышей «долю» — за то, что прикрывает от старших; водит самых шустрых к воротам, когда заявляются городские во-ры за мелкой работой. За внеплановую отлучку из приюта, понятно, тоже берется плата — хлебом, мелочью, информа-цией.

Именно он когда-то впервые швырнул Лиса лицом на обледенелую брусчатку двора за то, что тот, мол, слишком много умничал.

Сейчас Кирпич заполнил собой весь проход, перекрыв и свет, и воздух. За его спиной маячили еще двое — постарше меня, помладше его. Тоже местная шелупонь: один — длинный, с прыщавым лицом и вечно мокрым носом, второй — коренастый, с визгливым смешком. Лис помнил их как Шнурка и Жгута.

Мышь, которая сидела на корточках у дальней стены, втянула голову в плечи и попыталась стать невидимкой.

— Смотри-ка, — Кирпич склонился, с сомнительным интересом разглядывая горшок. — Лисенок тут варево какое-то мутит. Что это за дичь? — Он лениво глянул на Мышь и добавил: — Это он тебя угощал, шалашовка?

Мышь одеревенела. Глаза метнулись на меня: «что говорить?» Инстинкт приучил ее молчать, но страх оставить вопрос Кирпича без ответа оказался сильнее.

Я едва заметно покачал головой. Не в смысле «нет», а — «спокойно».

— Похлебка, — хрипло произнес я, не вставая. — Вчерашняя.

Кирпич фыркнул.

— Вчерашнюю похлебку в таких углах не ныкают, — протянул он. — Ее жрать нужно, а не прятать. Тут и так всем мало. — Он вытянул ногу и кончиком стоптанного сапога

подтолкнул горшок. Тот жалобно булькнул, но устоял. — Ты вообще, Лис, последнее время чудить стал. То в окно ночью смотришь, как сова, то от Семена отбреживаешься. То вот, — он кивнул на горшок, — с грязью колдуешь.

Слово «колдуешь» он произнес нарочито громко.

Я внутренне напрягся. Опасная игра. В приюте ярлык ведьмака мог стать поводом к принятию очень жестких мер. Настоятель, конечно, не даст просто так забить одаренного мальчишку насмерть — но вот передать его в добрые руки коновалов из местной монастырской лечебницы или в военный приют для опытов с боевыми чарами — легко.

— Если бы я умел колдовать, — в моем голосе прозвучала напускное равнодушие, — у Семена давно бы палка в руках загорелась. А так... — я слегка пожал плечами, — трава, вода да похлебка. Даже идиоту понятно.

Жгут хихикнул, но тут же осекся под тяжелым взглядом Кирпича. Тот сузил глаза.

— Ты чего это, Лис, — медленно произнес он, — умничать вздумал, да? Книжек начитался? — Он прищурился еще сильнее. — Слышал я, как ты с тем городским базарил. Будто писать умеешь. Было дело?

Полезли старые, еще Лисовы грешки. До моего появления он действительно пытался подработать у какого-то мелкого чиновника — доставлял записки, иногда сам их составлял под диктовку заказчика. Для Кирпича это было почти преступлением: кто умеет читать и писать, тот может обойтись

без посредников. Ну, то есть, без него.

— Писать не умею, — спокойно соврал я. — Только буквы знаю. Некоторые. Бесплезное это дело. Хотя жрать и не просит, но и не кормит.

Кирпич хмыкнул. В его голове это прозвучало как здоровое резюме.

— Верно, — согласился он. — Кому эти буквы нужны? — Он снова глянул на горшок. — А ты вот что запомни. Все, что ты тут видишь, — он обвел рукой двор, и будто бы случайно прихватил весь приют, — моя территория. Понял?

Я встретился с ним взглядом. На секунду, не больше. Достаточно, чтобы он уловил: перед ним не просто забитый щенок.

— Интересно, что на это скажет Семен? — произнес я тихим спокойным голосом. — Помнишь, как он тебя в прошлом месяце отделал? Выходит, не все тут твое.

Воздух вокруг нас мгновенно сгустился. Жгут и Шнурок инстинктивно отодвинулись.

Воспоминания Лиса шептали: сейчас он двинет. Всегда так делал: сначала слова, потом неожиданный удар. Особенно при своих шестерках. А мне нельзя давать слабину. Иначе потом так и буду битым ходить.

Удар и правда последовал — быстрый, сбоку, без замаха, но с доворотом корпуса. Рефлексы чужого тела сработали, хоть и слабо: я успел чуть повернуть голову, и кулак впечатался не в нос, а в скулу.

Мир вспыхнул белым, в глазах сверкнули искры. Горячая боль обожгла половину лица, ухо заложило, зубы отозвались глухим звоном. Меня швырнуло о стену.

Но я удержался на ногах. Упасть — означало дать ему повод для еще одного удара. Я вцепился пальцами в шероховатую доску, сохраняя равновесие. Ощутил, как скула наливаются тупой пульсирующей болью.

— Рот закрой, Лис, — глухо произнес Кирпич. — Пока зубы целы. И не строй из себя героя. Герои в книжках, а ты — в яме. Запомни это, щенок.

Я медленно провел языком по внутренней стороне щеки. Один зуб шатался, но пока держался. Сойдет.

— Ты, Кирпич, одну вещь не понимаешь, — холодно выдохнул я, сплевывая кровь в пыль. Голос у меня получился сиплый, но ровный. — Яму копал не я. И не яме решать, кто в ней главный.

Кирпич дернулся. В этой фразе было слишком много правды для его простых схем. Но взбесило его не это.

Вывело его из себя то, что я вообще посмел так с ним разговаривать, да еще и после удара.

— Ах ты... — Едва успев отойти, он вновь угрожающе двинулся вперед, на этот раз явно намереваясь не просто ударить, а забить до полусмерти — как вчера Семен.

А вот этого мне сейчас ну никак нельзя допустить. Очередные жестокие побои организм может и не пережить, даже с моими знаниями и способностями.

Нужно было срочно отвлечь Кирпича. Чем-то, что переключит его инстинкт с «бить» на «беречь свое».

Я действовал почти автоматически.

— Стой, — резко произнес я, глядя не прямо ему в глаза, но на его раздувшуюся щеку.

Это было рискованно. Но другого выхода не было. Я видел, как сегодня за обедом Кирпич жевал только одной стороной рта. И сразу заметил легкую припухлость у него под скулой. В приютах почти у всех гниют зубы, но у него был весьма запущенный случай. Об этом мне говорил смрад, исходящий сейчас из его рта: тяжелый, зловонный и сладковатый. Начало абсцесса. Такая штука может запросто лишить сна и превратить любого человека в жестокого зверя. А еще она может подарить власть тому, кто умеет устранять боль.

— Чего? — машинально рыкнул он, но шаг все-таки поумерил.

— Я могу помочь тебе с зубом, — я указал на раздувшуюся щеку.

— Че ты несешь? — Кирпич замер на месте.

— У тебя болит. Может, не каждый день, но болит. Ночью сильнее. Похоже, и спишь плохо. Если вообще спишь. Ты поэтому такой бешеный.

Он дернулся, будто я ударил его по лицу. Никто не любит, когда его читают.

В голове Кирпича закипела простая, но важная работа. Суеверие боролось с привычной жестокостью. Слухи про

ведьмовскую штуку, от которой у Семена искры по руке пробежали, уже дошли до него. Плюс Мышь, которая сейчас дышала заметно тише и глубже, чем утром.

— Слушай, Лис, — голос у него стал ниже. — Ты совсем...

— Я могу сделать полоскание. Или мазь. Снимет опухоль. Уменьшит боль. Ты сможешь спать. А потом... если повезет, совсем поправишься.

Его дружки переглянулись. Похоже, они не вполне понимали, о чем идет речь, но при этом чувствовали, что тема опасная, взрослая.

Кирпич плюнул в сторону.

— Ты откуда такой умный?

Я равнодушно пожал плечами и спокойно ответил:

— В приюте либо учишься, либо умираешь. Я учусь.

Он смотрел на меня долго, оценивающе. И я понял, какой выбор сейчас перед ним стоит: грохнуть меня за дерзость или использовать, как инструмент.

И, как выяснилось, Кирпич не был полным идиотом. Он был продуктом среды. А среда учила: все, что приносит выгоду, — хорошо, пока не мешает бить слабых. Лекарь в компании — тоже ресурс. Особенно если лекарь свой, карманный, а не батюшкин.

— Сделаешь, — наконец выдавил он. — Завтра. Если соврешь — я тебе пальцы переломаю.

— Справедливо, — ответил я.

Так в приюте заключают первые сделки: боль в обмен на услугу.

Глава 4

Оттерев кровь с губ тыльной стороной ладони, я выжидательно посмотрел на Кирпича.

— Завтра, — повторил он, как приговор. — Чтобы лекарство было.

— Сказал же, — я уверенно кивнул, — будет.

Он гневно сплюнул в пыль, и, грубо оттолкнув меня локтем, направился к выходу. Шнурок, проходя мимо, попытался повторить подвиг своего красномордого босса, но Мышь вдруг зашипела на него, как разъяренная кошка. Тот зло усмехнулся, но руку на всякий случай убрал.

Через минуту мы остались вдвоем в нашем закутке.

— Ты с ума сошел?! — накинулась Мышь, глянув на меня то ли с восхищением, то ли с ужасом. — Кирпич же тебя в землю закатает, если ничего не выйдет!

— Значит надо, чтобы вышло, — спокойно ответил я, опускаясь на корточки у стены. Ребра протестующе заныли, щека запульсировала в такт сердцу. Но, несмотря на это, я улыбнулся. Список пациентов только что пополнился на еще один пункт.

Я провел ладонью по земле. Пальцы нащупали мелкие камни, осколки кирпича. Пробежавшись взглядом возле забора, я быстро нашел то, что нужно: продолговатый, увесистый камень размером с половину ладони. Один край у него

был чуть закруглен.

Пестик.

— Чего ты там шарисься? — Мышь подползла ближе и вытянула шею.

— Инструменты, — ответил я. — Любое серьезное дело начинается с инструментов.

Камень уверенно лег в руку, как будто ждал здесь именно меня. Я проверил удобно ли его держать, как он давит, как скользит. Пойдет. Осталось найти то, на чем давить. Хотя бы мало-мальски подходящую замену ступки.

— Видела в приюте что-нибудь бесхозное из посуды? Что-то, что еще не успели выбросить. Миска, кружка, горшок небольшой? — я вопросительно взглянул на Мышь.

Она наморщила лоб, вспоминая.

— На кухне, под лавкой лежит, вроде, старая плоска, — прозвучал неуверенный ответ. — Кухарка в нее объедки кошке наливает. А чего?

— Плоска сойдет. У тебя с кухней как?

Мышь фыркнула.

— Кастрюли за мной пока не бегают, если ты об этом. Но Фрося, если поймает...

Фрося — наша кухарка, судя по Лисовым воспоминаниям. Женщина с тяжелой рукой и буйным нравом, склонная к ругани и подзатыльникам.

— Слушай, мне совсем никак, — покачал я головой. — Если Фрося меня увидит, сразу вспомнит, как я хлеб у нее

сташил, — невесело продолжил я. — А вот тебя может и не заметить.

Мышь презрительно хмыкнула, но подбородок у нее чуть вздернулся. «Может и не заметить» прозвучало для нее почти как комплимент.

— Что делать-то надо? — сдалась она, наконец.

— Достать плошку. И раздобыть немного соли, чеснока. И, если повезет, — уксуса или хотя бы рассола из кадки с капустой. Запомнишь?

Мышь закатила глаза.

— Я же не дурочка, Лис.

— Вот сейчас и проверим, — ехидно улыбнулся я.

Мышь усмехнулась еще раз, но уже без злости.

— Жди, — бросила она через плечо и исчезла из закутка, растворившись в тени, как и положено маленькой беспризорнице с говорящей кличкой Мышь.

Я остался один и привалился затылком к стене.

Итак, список.

Для полосканий и мази мне нужны: полынь, мята, подорожник, крапива, чеснок, уксус, зола, соль, немного жира. Плюс, конечно же, ступка.

Подорожник с крапивой растут здесь и во дворе у забора. Зола ссыпана в небольшую кучку у стены подсобки. Соль и уксус — на кухне. Чеснок — там же. Полынь и мята — за оградой, на пустыре или вдоль дороги. Жир... жир — в котле, на стенках.

Все это можно достать, если не лезть на рожон.

Главное — время. До завтра его еще навалом. Лишь бы не сыграть в ящик до этого момента от очередной гениальной идеи Семена.

Я с усилием поднялся и потопал к выходу из закутка.

С кухни доносились привычные грохот и ругань. В дальнем углу двора двое старших колотили ковер — то ли приютский, то ли чей-то пожертвованный, давно превратившийся в пыльную тряпку. У стены чернела кучка золы и шлака — остатки зимних топок. Наверное, свалили сюда весной и до сих пор не растащили.

Именно это мне сейчас и нужно.

Я направился к куче, делая вид, что просто решил справиться нужду подальше от остальных: тут так многие делают, если лень ждать своей очереди возле дыры в полу. Никто на меня даже головы не повернул. Быть никем иногда гораздо удобнее.

Нагнувшись, я сделал вид, что поправляю лапти, и в этот момент быстро загреб немного сухой золы и мелкого угля. Сыпучее, теплое на ощупь, чуть пахнет гарью. Высыпал все это в подол рубахи, подтянул ткань и завязал узлом. Первичная емкость.

Итак, золу добыли. Уже хорошо.

Обратно я шел медленно, чтобы не привлекать внимания с подозрительно оттопыренным подолом. В приюте слишком хорошо знают цену любому свертку. Но если идти, как буд-

то еле ноги волочишь, да еще каждые пару шагов изображать слабое покашливание — никто не остановит. Забитых и больных тут стараются не трогать. Только лишняя морока будет, если сдохнут.

В закутке я осторожно высыпал золу в угол. Земля здесь сухая, нижний край стены чуть вогнут. Получилось импровизированное хранилище. Дополнительно все это дело накрыл сверху плоской дощечкой. Готово.

Следующее — трава.

Крапивы возле забора было еще достаточно. Подорожник же я видел во дворе. В моем убежище его почти не осталось. Так что, особо не скрываясь, я направился к новому месту сбора. Воспитанники приюта сновали туда-сюда, кто-то дурачился, кто-то просто сидел на ступеньках, греясь на солнце. Я присел у стены, как будто решил передохнуть, и начал ковыряться в земле.

Листья подорожника здесь широко разрослись. Осторожно, по одному, я начал их срывать, сразу прижимая к ноге. Ладонь мгновенно прикрывала свежую зелень. Со стороны казалось, что я просто опускаю кисть на колено. Никто не обращал на меня никакого внимания. В приюте, особенно в редкие часы отдыха, все слишком заняты собой.

Подорожник отправился вслед за золой и крапивой — в мое хранилище под дощечку. В этот момент я уже начал чувствовать себя кладовщиком.

А вот с полынью и мятой будет сложнее. На дворе их нет.

Целенаправленно цветы тут не выращивают, травы не любят: все, что не приносит прямой пользы, считается сорняком. Светской привычки сажать мяту под окнами тоже нет, а монахи довольствуются сушеными травами из лавок.

Значит, придется как-то пробраться наружу.

За ворота приюта детей просто так не выпускают. Только с поручением или, если старшие изволят взять с собой. Но стены и заборы строят взрослые. А преодолевать их лучше всего умеют дети.

В этот момент, запыхавшись, в закуток завалилась Мышь. В руках у нее виднелась добыча.

— Держи, — гордо выдала она и поставила на землю сколотую глиняную плошку. Край у нее был отбит, но дно оказалось целым. Дальше последовал крошечный глиняный кувшинчик без ручки, наполовину заляпанный чем-то темным.

— Это что? — кивнул я на кувшин.

— Уксус, — с достоинством сообщила Мышь. — Фрося им капусту поливает, чтоб не тухла.

Я бережно взял кувшин и поднес его к носу. Пахло кисло, резко.

Отлично!

— А соль? — я вопросительно поднял бровь.

Мышь, не говоря ни слова, вытащила из-за пазухи небольшой узелок. Внутри — пара пригоршней сероватой крупной соли.

— И... — она замялась, затем вдруг выудила еще что-то:

два маленьких зубчика чеснока, уже подсушенных, но вполне годных.

Я поднял на нее удивленный взгляд.

— Хороший улов. Это ты так, между делом прихватила? — кивнул я на кувшинчик с уксусом.

— Он сам в руку прыгнул, — невозмутимо заявила она. — Одним больше, одним меньше... — В глазах у нее заплясали лукавые огоньки.

— Умница, — спокойно произнес я. Без сюсюканья, без восторгов. Констатация факта. Щеки Мыши под слоем грязи едва заметно порозовели.

— А насчет плоски вообще удачно вышло, — продолжила она. — Фрося как раз отвернулась: кот за хвост ловила. Он опять в кадку залез. Я и схватила.

Я поставил плоску на землю и рядом положил свой камень. Набор юного алхимика почти готов.

— Осталось совсем чуть-чуть. Полезешь со мной за забор? — Я провокационно подмигнул.

— Щас?! — глаза Мыши чуть из орбит не выскочили. — Ты сдурел? Семен же...

— Семен сейчас пьет с кем-то во дворе, — перебил я ее. — Если и хватится нас, то не раньше, чем через час, когда ему все осточертеет. А вернемся мы гораздо раньше.

Мышь колебалась. Страх перед Семеном боролся в ней с привычкой верить моему странному спокойствию.

— Чего там за забором-то? — прошептала она наконец.

— Полынь и мята, — невозмутимо ответил я. — Горечь и прохлада. Будем делать так, чтобы Кирпич меньше рычал, а ты еще легче дышала.

— А Кирпич-то здесь при чем? — в ее голосе звучало уже гораздо меньше протеста.

— У него зуб болит, — напомнил я. — Неприятная, знаешь ли, штука. Мята с полынью должны помочь. Если срывается — он будет бить меня реже. А если повезет — и тебя тоже.

Мышь хмыкнула и немного помолчала, взвешивая риски.

— Ладно, — наконец, нехотя кивнула она. — Только, сомневаюсь, что ты пролезешь. — И она окинула меня неуверенным взглядом.

— Посмотрим. Показывай, где лаз.

Она тяжело вздохнула, словно я только что втянул ее в бездну греха, и махнула рукой:

— За старым амбаром, в самом углу забора, доска подгнила. Мы раньше там лазили, но Семен как-то заметил, двоих поймал, ремнем отходил. Я с тех пор... ну... — она понуро умолкла.

— С тех пор ты стала умнее, — закончил я. — И это главное. Так что в этот раз мы не попадемся.

Мы выбрались из закутка и скучающей походкой направились в другой конец двора. Там, за покосившимся амбаром, приютилось укромное местечко, куда мало кто совался. Здесь все заросло сорняками и крапивой. У почерневшей от

времени стены бесформенной кучей валялись какие-то деревянныешки и поленья.

Мышь присела, отодвинула одну из досок вбок и прошептала:

— Тут.

Я увидел продолговатую щель — не дыра, а именно узкий, вытянутый просвет между нижним краем забора и сырым грунтом. Для взрослого — ничто. Для нас — калитка во внешний мир.

Земля под щелью была слегка утрамбована, края досок — обтрепаны временем и, подозреваю, детскими руками. Когда-то давно тут уже лазили.

— Я первая, — шепнула Мышь, потом привычно плюхнулась на живот и буквально вытекла наружу, как струйка воды. Только пятки сверкнули и исчезли.

Я как можно сильнее выдохнул и полез следом. Мое тело протискивалось в щель гораздо туже: Лис был выше и объемнее Мыши. Доска впилась в спину, сырая земля намочила рубаху, в нос ударил запах плесени и влажной почвы.

Я вытянул руки вперед, нащупал снаружи какую-то кочку и подтянулся. Грудная клетка протестовала, ребра ныли, но я пролез. Выбравшись наружу, я устало привалился спиной к доскам, чтобы отдышаться.

Снаружи мир выглядел... просторнее.

Сразу за забором расположился узкий, захламленный пустырь: обломки кирпича, гнилые доски, старая тележная ось,

покрытая ржавчиной. Дальше — канава с мутной водой, поверх которой лежала толстая, вязкая пленка. Над канавой клубился рой комарья. По другую сторону поднимались кривые заборы соседних дворов, где-то торчали вялыми свечками редкие деревья.

Запах здесь был другой. Все тот же Петербург бедных окраин, но с примесью буйной растительности: влажная трава, болотная тина, терпкая горечь сорняков. После спертости приютского двора это казалось почти свежестью.

— Вот, — Мышь, присев, принялась быстро показывать в разные стороны. — Там крапива, там репей..., а вон там, у канавы, что-то воняет. Как по мне, туда лучше не соваться.

Я поднялся, осторожно расправив побитое тело, и двинулся вдоль забора, присматриваясь. Зрение у Лиса было довольно острым: различало цвета и формы гораздо лучше, чем мое прежнее, испорченное долгими годами работы при тусклом свете.

Полынь нашлась первой.

Она росла чуть поодаль от канавы — серо-зеленые кустики с резными листочками и характерным тусклым оттенком. Достаточно было провести пальцами, потом поднести к носу — горький, узнаваемый запах подтвердил догадку.

— Это трогать нельзя, — уверенно заявила Мышь, заметив, что я тянусь к следующему кусту. — Над ней бабы шепчут, чтоб мужики не пили. Полынька горька, стопка пуста... — начала заунывно декламировать она.

— Для этого ихним мужикам нужна не полынь, а совесть, — перебил я Мышь я и уверенно сорвал несколько верхушек. — А нам она понадобится, чтобы вывести нагноение.

Я брал только молодые, мягкие концы побегов — там было больше эфирных масел и меньше грубой клетчатки. Листья складывал на подол рубахи.

Мята нашлась чуть дальше, у самой кромки канавы.

Когда-то, видимо, сюда выкинули корешок из кухни — и он прижился. Возле грязных, масляных пятен воды, среди густой травы торчал пучок ярко-зеленых листьев с зубчатым краем. Стоило мне наклониться, и в нос ударил знакомый, свежий аромат, словно бы совсем не отсюда, не из этого зловонного уголка.

— Фу, она ж на грязной жиже растет, — Мышь с отвращением передернула плечами.

— Грязь — снаружи, сила — внутри, — привычно отозвался я. — Мы же не сырое болото глотать будем.

Я выбрал несколько верхних веточек, стараясь не вырывать растения с корнем. Если повезет, они проживут еще одно лето. Если нет — ну что ж, пустырь вырастит другие.

Подорожник я брать не стал — его запасов пока хватало. Из трав на сегодня этого было достаточно: полынь — горечь, которая подсушит воспаление, мята — прохлада и местное обезболивание. И то, и другое может работать без магии. При этом надо учитывать, что в этом мире у растений есть еще и характер. У полыни характер жестокий, у мяты —

успокаивающий. Их можно заставить работать вместе, если правильно «познакомить».

Так, что там дальше?

Подорожник добавит заживляющие свойства. Чеснок с крапивой усилят антисептику. Соль и уксус вытянут гной и снимут часть опухоли. Зола с углем заберут лишнюю влагу. Жир даст основе держаться.

Теперь открытым оставался только вопрос жира.

За забором, понятно, ни сало, ни масло не росли. Жир можно было взять только там, где его истребляли до последней капли — на кухне.

— Полынь есть, мята есть, — подытожил я, поправляя подол рубахи, чтобы травы не вывалились. — Осталось самое вкусное — жир.

— От котла? — Мышь скривилась.

— От котла, — подтвердил я. — За ужином, после раздачи, когда Фрося отвернется. Мне нельзя туда сейчас лишний раз соваться, а вот ты... — я выразительно посмотрел на нее.

Она всплеснула руками.

— Да сколько можно! — зашипела. — Туда, сюда... Я что, коза-дереза?

— Ты — самая маленькая и самая незаметная, — спокойно ответил я. — Это сейчас ценится выше, чем сила.

Я протянул ей плоску.

— Смотри. В конце ужина, когда народ потянется сдавать грязную посуду, ты встанешь поближе к котлу. Как только ку-

харка отвлечется или уйдет в кухню, подходишь и быстро черпаешь по стенкам. Там остается налет. Его не используют, и он просто засыхает. Его и соскребешь вот этим... — я подал ей тонкий обломок деревяшки, который подобрал по дороге: обтесанный, гладкий, вроде бы ни на что не годный.

— А если Фрося все-таки заметит? — испуганно спросила Мышь.

— Скажешь, что хочешь помочь миски помыть, — отозвался я. — Фронт работы у нее большой, лишние руки не помешают. Только не жадничай: если будешь выскребать так, будто хочешь съесть весь котел, сразу спалишься.

Мышь фыркнула, но в глазах у нее снова мелькнул азарт. Воровство ради выживания было здесь не только привычным видом спорта, но и единственным доступным развлечением.

— А ты? — подозрительно спросила она. — Куда опять погрешься?

— Я — никуда, — честно ответил я. — Мне надо, чтобы меня лишний раз не трогали. Быстро все схочмячу и пойду валяться на нарах, изображать побитую собаку. Заодно подумаю, какую «изюминку» добавить в полоскание для Кирпича.

— То есть ему — лучшее? — мгновенно нашла повод возмутиться Мышь.

— Наоборот. Ему — самое горькое, — поправил я. — Чтобы надолго запомнил, сколько стоит чужой труд.

Она задумалась на секунду, потом кивнула:

— Ладно. Только если меня Фрося поймает — скажу, что это ты велел.

— Это будет твоя главная и последняя ошибка, — холодно заметил я. — Так что постарайся не облажаться.

Мышь испуганно глянула на меня и, нервно сглотнув, кивнула.

Глава 5

Мы вернулись во двор тем же путем. На этот раз пролезать в щель было еще сложнее — мешали собранные травы. Но по итогу я все-таки протиснулся. Мышь — тем более. Доску мы тут же вернули на место.

Ужин должен был вот-вот начаться, но мы все-таки успели спрятать полынь и мяту в моем закутке, под той же доской, где уже лежали все остальные запасы. Плошка и камень также ждали здесь своего часа.

После поспешного и скудного перекуса я поплелся в спальню, завалился на свои нары и некоторое время лежал, глядя в щель между досками потолка. Внутри у меня все тянуло, ломило, но дыхание было уже более ровным. Снадобье, которое я готовил для нас с Мышью, помогало.

Затем я прислушался к звукам приюта: звяканье чего-то металлического о стенку котла, голос Фроси — визгливый, но уверенный, скрежет половника, детский гул — все было, как всегда.

И среди этого — осторожные, почти неслышные шаги Мыши. Я уже начинал различать ее походку на фоне общей какофонии — легкая, быстрая, но с паузами: юркая девчушка вечно оглядывалась.

Минут через двадцать после окончания ужина, она показалась в дверях спальни с видом человека, который только

что отбыл каторгу и возвратился живым. Ее кисти скрывались в широких, рваных рукавах. Судя по всему, там и была припрятана моя плошка с жиром.

Я сполз с нар, делая вид, что иду к бочке с водой, и перехватил Мышь на полпути. Мы без слов развернулись и поспешно направились к нашему закутку.

На месте, с гордым видом победителя, Мышь поставила плошку на землю.

Я глянул на ее добычу: по дну посуды был размазан добротный слой сероватого жира, кое-где с желтыми прожилками. Запах был... специфический: дешевое мясо, вода, в которой долго и упорно варили неизвестно что, и легкая нотка прогорклости. Но для основы мази это вполне сгодится.

— Фрося меня заметила, — выдохнула Мышь, когда немного успокоилась. — Я уж думала... Но она только и сказала, мол, ладно, шустрая, помогай вытирать посуду, и тряпку мне всучила. Я пока терла, ловила моменты и соскребала. — Она едва заметно улыбнулась. — Ты бы видел, сколько там было! Я еле остановилась.

— Умничка. Хорошая работа. — На моем лице промелькнула сдержанная улыбка.

Я внимательно осмотрел наши запасы: плошка со слоем жира, камень-пестик, кучка золы под стеной. Подорожник, крапива, полынь, мята. Узелок с солью. Маленький кувшинчик уксуса. Два зубчика чеснока.

Все, что доктор прописал.

— Садись, — сказал я Мыши. — Сейчас будем делать магию.

— Ведьмовскую? — насторожилась она.

— Народную, — усмехнулся я. — Самую страшную из всех.

Я сел на корточки, подвинул плошку с жиром поближе. Камень удобно лег в руку. Сначала я аккуратно соскреб весь жир к центру плошки, чтобы ничего не пропало — сейчас он был на вес золота.

Потом занялся травами.

Для полосканий мне нужно было совсем другое соотношение, чем для мази. Поэтому я сразу разделил порции.

Часть полыни, крапивы и мяты, пару маленьких листочков подорожника и немного чеснока я отложил отдельно — это пойдет в полоскание для Кирпича и, по облегченной схеме, для горла Мыши и Тима. Остальное — в мазь.

Я взял большую горсть подорожника, добавил туда несколько листиков мяты с крапивой и немного полыни.

Зелень шуршала в руках, как сухая бумага. Я сжал ее в кулаке и помял, а потом бросил в плошку с жиром. Сверху посыпал немного соли — ровно столько, чтобы вытянуть сок, но не высушить насмерть. Потом ногтем соскоблил с чесночного зубчика шелуху, раздавил его плоской стороной камня и тоже отправил в плошку.

— Воняет будет, — осторожно заметила Мышь, наблюдавшая за каждым моим движением.

— Чем сильнее воняет, тем меньше туда лезут руками, — отозвался я. — Хорошая защита от всяких идиотов.

Ухватив поудобнее камень-пестик, я начал растирать содержимое плоски.

Сначала трава просто мялась — шуршала, сопротивлялась, пыталась выскользнуть от нажима. Но я давил размеренно, меняя направление, иногда чуть-чуть поворачивая камень, чтобы ребро захватывало самые упрямые жилы. Жир под травой уже слегка подтаял от тепла моих рук и интенсивных давящих движений, и постепенно начал смешиваться с зеленью.

Спустя какое-то время шорох сменился влажным хлопанием. Зеленая масса густела, темнела, на стенках плоски оставались мазки грязно-изумрудного цвета. Чеснок тоже вступал в свои права: терпкий, тяжелый запах пополз вверх, перебивая даже аромат мяты.

— Фу-у, — не выдержала Мышь, закрывая нос рукавом. — Это точно лекарство? Похоже на... на то, что сзади у коров сыпется.

— Ты удивилась бы, если б узнала, из чего в городе делают лучшие мази, — усмехнулся я, не останавливаясь. — Главное — не вид и запах, а результат.

Жир постепенно втянул в себя соки: подорожник с крапивой отдавали свежую зелень и заживление, мята — прохладу, полынь — горечь и жар, чеснок — антисептик. Соль рвала клеточные мембраны, вытягивая лишнюю воду.

Я добавил щепотку золы — совсем немного, чтобы придать мази легкую щелочность и способность сушить воспаление, а не только успокаивать его. Пепел слегка похрустывал под камнем, но постепенно перестал — значит, размололся достаточно.

Когда масса стала однороднее — густая, вязкая, зеленовато-серая, я тщательно вытер камень о край площадки и осторожно плеснул туда несколько капель уксуса из маленького кувшина.

Жижа немного пошипела, словно обиделась. Запах стал резче — к чесноку и травам добавилась уксусная кислота, пробивающая нос до самой макушки.

Уксус играл сразу три роли: вытягивал и растворял активные вещества, дезинфицировал и... делал вкус настолько мерзким, что никто, даже из жадности, не захочет сожрать эту мазь. В приюте это действовало лучше любой защиты магическими печатями.

— Вот это уж точно ведьмовское, — простонала Мышь. — От такого не только гниль вылезет, от такого все живое сбежит.

— Не сбежит, — уверенно ответил я. — Достаточно ощутить на себе действие этого снадобья, и за ним в приюте очередь выстроится.

Я еще немного поработал камнем, пока жир, сок трав и уксус не соединились в одну, пусть и грубую, но уже похожую на мазь субстанцию. Она блестела в полумраке закутка, как

болотная грязь после дождя.

Я наклонился и принялся.

Пахло полынной горечью, чесноком, дымом золы и кислятиной. В нормальной лаборатории меня бы выгнали с таким «шедевром» в хлев. Но здесь... здесь это выглядело превосходно.

— Это мазь, — сказал я. — Для синяков, шишек, порезов и всякой дряни, которой тут больше, чем грязи.

Я зачерпнул немного пальцами — масса была теплая, чуть шершавая из-за золы. Для начала мазь надо было испытать на самом доступном объекте — на себе.

Я осторожно притронулся к щеке. Скула пульсировала от удара Кирпича. Под свезенной до крови кожей расплзлось тугое, набухающее пятно. Я аккуратно нанес мазь тонким слоем, чуть заходя за границу раны. Первый отклик был ожидаемым: жжение.

Кожа зазудела, словно я натер ее крапивой. Я стиснул зубы, но руку не отнял. Через пару мгновений жжение перешло в жар, а затем — в тугую, тяжелую пульсацию. Мята робко попыталась пробиться сквозь полынный огонь — и, наконец, у нее получилось. Там, где до этого боль просто давила, появилось ощущение легкого холода, в глубине раны приятно заныло.

— Больно? — неуверенно спросила Мышь.

— Больно, — удовлетворенно кивнул я. — Но это хорошая боль. Рабочая.

Я вытер пальцы о внутренний край плоски, затем, недолго думая, задрал рубаху до ребер. Воздух неприятно коснулся синевы — живот, бок, грудная клетка были словно карта боевых действий: синяки всех оттенков, от фиолетового до желто-зеленого.

Мышь ойкнула.

— Семен... — начала она.

— Семен, Император, да хоть сам черт рогатый, — перечислил я. — Все, кто любит бить, рано или поздно встречают того, кто умеет лечить.

Я набрал еще мази и осторожно втер ее в широкий синяк. Туда, где ребра ныли сильнее всего. Снадобье легло плотным слоем и быстро начало отдавать тепло.

Внутри меня что-то громко запротестовало. Но я знал меру — не стал мазать весь бок сразу, только самые болезненные области. Перегрузить слабое тело, даже лекарством, было проще простого.

— А мне... можно? — неуверенно спросила Мышь, тыкая пальцем себе в область грудной клетки. — Тут, — она прижала ладонь к ребрам с левой стороны. — Когда кашляю, будто ножом режут.

Я посмотрел на нее внимательнее.

Под рубахой грудная клетка ходила чаще, чем должна у ребенка в состоянии покоя. Ключицы торчали. Щеки впали. Кашель, конечно, шел не только из-за воспаленного горла и бронхов — там легкие давно попросились наружу. Мазью

здесь сильно не поможешь. Однако даже простое снятие мышечного спазма могло ощутимо облегчить дыхание.

— Можно, — ответил я. — Только тонким слоем. И исключительно сбоку и сзади, понятно? На грудь — пока нельзя.

Она кивнула.

— Я сама, — смущенно пробормотала и, осторожно зачерпнув кончиками пальцев немного мази, отвернулась. Потом коснулась рубахи, поморщилась, но все-таки задрала ее с одной стороны. Ребра под кожей торчали, как решетка. Она нанесла мазь на костлявый бок, сдавленно шипя от боли.

— Терпи, — сказал я. — Если станет хуже — сразу скажешь.

— С тобой только хуже и бывает, — привычно огрызнулась она, но в голосе чувствовалось больше облегчения, чем злости.

Через минуту с процедурами было покончено. Я отодвинул площадку с остатками мази к стене и прикрыл сверху куском относительно чистой тряпицы, которую стащил в спальне с чьей-то кровати — от пыли и лишних глаз.

После этого я извлек из еще одного углубления глиняный горшок со снадобьем от кашля.

— Последняя порция на сегодня. — Я вылил немного в заранее найденный и промытый черепок, а потом привычным движением протянул Мыши.

Та покорно взяла, открыла рот и, поморщившись, прогло-

тила. Потом я принял свою порцию и быстро слил остатки к забору, освободив емкость.

Теперь пришел черед средства для полоскания.

Я окинул внимательным взглядом отложенную часть ингредиентов: немного полыни и мяты, пара маленьких, нежных листочков подорожника и крапивы, щепотка соли, остаток чеснока.

— Воды бы надо, — задумчиво протянул я, глянув на Мышь. — Чистой, насколько это тут вообще возможно. И какую-нибудь емкость для дозы Кирпича. Да, пожалуй, горшочек тоже не мешало бы сполоснуть.

Мышь с готовностью кивнула.

— В бочке еще оставалась вода, — вспомнила она. — Сейчас все сделаю.

Она исчезла и через несколько минут вернулась с чистым горшочком, старой пошарпанной пиалой и глиняной кружкой, в которой плескалось то, что здесь считали питьевой водой. Она отдавала вкусом бочек и железа от ржавого обруча.

— Умничка! Где пиалу-то хоть достала? — я с удивлением посмотрел на довольно редкую для приюта посудину.

— Это... моя, — внезапно потупилась она, а потом раздраженно добавила: — Короче, неважно! На, держи.

Я не стал дальше до нее докапываться и расставил принесенную посуду на земле.

Для начала я налил в горшочек немного уксуса, добавил щепотку соли и чуть золы. Зола в правильной дозе делает рас-

твор более действенным против нагноений, но, если переборщить — сожжет слизистую. Здесь нужна точность, особенно, если имеешь дело с Кирпичом. А у меня, как назло, не было весов. Только глаз, язык и опыт.

Я поднес раствор к носу, вдохнул, чуть коснулся кончиком пальца и лизнул. Кисло, жгуче, но терпимо. Хорошо.

Травы я размял в пиале, добавил каплю воды, и осторожно ввел эту зеленую кашу в раствор. Перемешал, дал постоять. Настоящие настойки требуют времени, но у меня было меньше часа до отбоя и единственный шанс не схлопотать завтра переломы пальцев.

Запах стал сложным: мята пыталась перебить чеснок, полынь ворчала в глубине, соль и зола почти не чувствовались, но делали свое дело.

— Готово, — удовлетворенно выдохнул я.

— А для Кирпича? — осторожно поинтересовалась

Мышь.

— Для Кирпича — особый рецепт. Добавим изюминку.

— Я хмуро усмехнулся.

Я отлил половину общей жидкости в горшочек, а в пиалу плеснул еще уксуса. Это будет «эксклюзивное» полоскание для Кирпича: невероятно противное, но и наиболее действенное. В его случае требовался максимально быстрый результат.

Теперь оставалось главное — не дать всему этому превратиться в простой пахучий травяной настой.

Я обхватил пиалу с горшочком ладонями, вдохнул поглубже, немного задержал дыхание и медленно выдохнул в воду.

Эфир вокруг еле уловимо затрепетал, словно невидимая паутина. Я вновь представил себе сито — только теперь не очищающее, а направляющее. Мне нужно было, чтобы сила трав не соперничала друг с другом, а сложилась, как пальцы — в единый кулак.

Полынь — наружу, на заражение.

Мята — внутрь, на боль.

Подорожник с крапивой — на слизистую — затягивать микротрещины.

Соль — на промывку.

Чеснок — на убийство всего лишнего.

Уксус — на подталкивание процесса.

Все это я аккуратно «активировал» одним и тем же вектором: «очищать, а не разрушать».

Заклинанием это назвать было нельзя — скорей, ремесленным жестом. Старый, привычный навык, с которым я когда-то, будучи еще молодым магистром, структурировал настои для опытов над мышами. Теперь мышей заменяли воспитанники приюта. Цинично, но честно.

Вода под пальцами чуть потеплела, потом вновь стала прохладной.

— Вот теперь точно все, — довольно улыбнувшись, резюмировал я.

Мышь сглотнула.

— И это... пить? — с ужасом уточнила она.

— Это — в рот, — кивнул я. — Но глотать не обязательно. Даже вредно. Полоскать и сплевывать. Поняла? — И я протянул ей горшочек.

Она кивнула еще раз, явно борясь с собой.

— Ты точно не хочешь первым попробовать? — не выдержала она.

— Очень хочу, — признался я. — Потому что у меня сейчас во рту кровяца и воспаление не меньше, чем у любого из нас. Но если я начну корчиться от вкуса, ты просто встанешь и сбежишь. А мне надо, чтобы ты поправилась.

Мышь обреченно вздохнула, взяла горшочек обеими руками. Пахло оттуда так, будто кто-то решил сварить суп из травы, старых носков и порошков от кашля.

— Чуть-чуть, — сказал я. — Набери в рот, подержи, прополощи зубы и горло, а потом выплюнь вон туда, — я кивнул на особое пятно у стены, где земля и так была уже пропитана всем, чем только можно.

Мышь зажмурилась и слегка отпила из горшочка.

Лицо у нее перекосило так, будто ей залили внутрь расплавленный свинец. Она зажала рот руками и раздула щеки. Я увидел, как дернулось ее горло — организм рефлекторно пытался избавиться от гадости.

— Дыши носом, — напомнил я. — Считай до десяти. Потом выплунешь.

Она задышала очень часто, как и положено мышши. Глаза у нее при этом заслезились. Потом резко наклонилась и с шумом сплюнула.

— Гадость-гадость-гадость! — выдохнула она, отплевываясь. — Ты, Лис, из ада это приволок, не иначе!

— Зато в аду теперь очередь за этим будет, — отозвался я. — Дыши. Как ощущения?

— Сначала жгло, — призналась она. — Сейчас... странно. Словно во рту холодно и пусто. И... зубы как будто скрипят.

— Это работают соль с уксусом и мятой, — кивнул я. — Еще раз. И все. На сегодня хватит.

Она покорно повторила процедуру, уже без истерики — хотя физиономия у нее при этом была достойна кисти лучшего петербургского карикатуриста.

Когда все закончилось, Мышь тяжело выдохнула, вытерла рот рукавом и неожиданно выдала с легким удивлением в голосе:

— В горле... легче.

Она будто сама себе не верила. Потрогала шею, сглотнула еще раз, прислушалась.

— Не так дерет. Будто... гладко стало. И глубоко не щиплет.

Я кивнул. Ответ был именно таким, на который я и рассчитывал.

— Завтра с утра еще раз прополощешь, — строго произнес я. — Только не перед самой баландой, а то вкус перебьет.

— Наше уютное дерьмо ничего уже не перебьет, — мрачно заметила она, но в глазах впервые за долгое время мелькнуло что-то похожее на надежду.

Теперь пришла моя очередь.

Я плеснул себе в рот из горшочка — не из Кирпичевой пиалы, а из щадящего. Жидкость обожгла язык, прилипла к деснам, пролезла в каждую трещинку. Я почувствовал всю географию своего рта: щербинки на зубной эмали, нарыв у основания клыка, рану на внутренней стороне щеки, где удар Кирпича рассек слизистую.

Полынь шла первой — грубой, рваной волной, как прапорщик, врывающийся в грязную казарму. Следом ощущалась мята — мягко, прохладно, но при этом настойчиво. Чеснок заливал все тяжелым, липким слоем. Соль и уксус скребли по деснам, как жесткая щетка.

Глаза заслезились. Я терпел, перекачивая жидкость из стороны в сторону, пока язык не онемел. Потом наклонился и сплюнул в угол.

Кровь, вязкая слюна и остатки отвара образовали темное пятно на земле. Во рту осталось странное ощущение: чисто и свободно. Такого я не помнил даже после придворных порошков, которыми раз в неделю полоскали рот избранные члены Синклита.

— Долго полоскал. Еще и по своей воле, — оторопело прошептала Мышь. — Да по тебе психушка плачет, Лис.

— Был уже там, — еле слышно буркнул я себе под нос.

— Императорский двор называлась.

Я сел, привалившись спиной к стене и дал голове немного остыть. Эфирная манипуляция, пусть и слабая, в таком теле забирала силы не хуже, чем часовая тренировка мушкетеров.

В животе урчало, ребра ныли, скула горела под мазью, но во рту действительно становилось легче. Горечь от трав уходила, оставляя после себя только легкую мятную прохладу и ту самую приятную пустоту, о которой говорила Мышь. Слизистая хоть ненадолго свободно вздохнула.

— Запомни, — сказал я, когда дыхание выровнялось. — Если на языке или деснах появятся язвочки, белые или красные пятна — скажешь мне. Значит, переборщили с уксусом или солью. Подправим.

— Ты как аптекарь говоришь, — буркнула Мышь. — Только без пузырьков.

— Пузырьки еще будут, — пообещал я. — Если доживем. Мы оба помолчали.

За забором громко прокаркала ворона. В приютском дворе закричал кто-то из младших — то ли в шутку, то ли от обиды. Солнце уже клонилось к горизонту, свет в нашем закутке становился вязким, теплым, как старый мед.

— Ладно, — наконец произнесла Мышь, поднимаясь. — Мне надо... — она неопределенно махнула рукой в сторону спальни. — А то если заметят, что нас долго нет, шум поднимут. А ты... — она окинула меня взглядом, в котором переплелись тревога и странное уважение, — не сдохни завтра.

Кирпич тебя за язык повесит, если ему не понравится твое жуть-полоскание.

— Посмотрим, — ухмыльнулся я в ответ. — Представляю его физиономию во время процесса. Ради такого зрелища можно и рискнуть.

Она снова фыркнула. Но сейчас это больше походило на смех. А потом юркнула прочь, растворяясь в полумраке прохода.

Я остался один.

Плошка с мазью стояла у стены, прикрытая тряпкой. Горшочек с общим отваром мерцал в полутьме, как мутный изумруд. Отдельная, маленькая пиала с более крепким раствором дожидалась своего часа — Кирпичева доля.

Я прикрыл глаза и позволил себе несколько минут тишины.

Это была моя лаборатория.

Не мраморные столы, не кварцевые реторты и не реакторы, завязанные на кристаллы высшей очистки. Только плошка, камень, горшок, грязная тряпка и щель между сараем и стеной. Да еще пара пациентов — один добровольный, другая — понукаемая надеждой. Никаких протоколов, никаких ассистентов, никаких подписей под экспериментами.

Но принципы остались теми же.

Наблюдать. Фиксировать. Менять аккуратно. Учитывать слабость системы. Использовать то, что есть под рукой. Не ждать идеальных условий, потому что их никогда не будет.

Если злой рок, выбросивший меня из башен Академии в грязь, хотел лишить меня силы, то он жестоко просчитался. Сила никогда не жила в башнях. Она живет в умной голове и в трудолюбивых руках.

Теперь мне оставалось просто делать то, чем я занимался всю жизнь: шаг за шагом двигаться к цели, от простого к сложному, от доступного к невозможному.

Сначала — мазь и полоскание. Потом — простые порошки от жара, настои для живота, примочки для гноящихся ран. Потом... если руки доживут, если не переломают пальцы, если настоятель не решит, что в приюте завелся опасный ведьмак, — что-то посерьезнее.

Я вновь потянулся к Девятой печати. Она шевельнулась в глубине, как большой зверь, дремавший под толщей снега.

Я осторожно открыл один из «разделов» — не формулы арканомеханики, не схемы реакторов, а то, что слишком многие при дворе считали второстепенным: лечебные практики для солдат, дешевые, быстрые, использующие то, что всегда под рукой.

Кровь, грязь, поле боя, повозка с травами, захудалая лазаретная палатка — память принесла запахи и образы многолетней давности, когда я, еще молодой офицер, сам таскал раненых с передовой в тыл и пытался не дать им умереть хотя бы до рассвета. Там я впервые понял, что великие формулы мало чего стоят без умения промыть рану чистой водой и вовремя зажать артерию.

Сейчас поле боя называлось «приют».

Методы почти не отличались.

Я вытащил из памяти несколько простых сочетаний трав — от кашля, от воспаления, от тифа. Многие из них требовали того, чего здесь не было. Но часть подходила. Полынь, мята, подорожник, лопух, крапива, зола, соль, уксус, жир. Все это уже было у меня под рукой. Остальное можно потихоньку добывать у окрестных лавочников, обменивая на мелочи, информацию или услуги.

Пальцы зудели — не от мази, а от нетерпения.

Успокойся, Константин. Раньше ты двигал армию и промышленность. Сейчас двигаешь двух-трех приютских оборванцев.

Суть не поменялась, методы и цели – тоже.

Сначала — выжить самому. Потом сделать так, чтобы вокруг стало меньше смертей. А уж после этого разобраться с теми, кто рискнет вставлять мне палки в колеса.

Глава 6

В животе болезненно сжалось — организм напомнил, что за весь день я так ни разу нормально и не поел. Впрочем, в приюте это было невозможно по определению. Да к тому же часть похлебки пошла на лекарство.

Ладно. Хватит на сегодня науки. Даже великий алхимик в теле четырнадцатилетнего мальчишки оставался привязан к очень простым вещам: еда, сон, безопасность.

Я спрятал мазь получше — чуть глубже, под доску, за которой хранились наши запасы золы и трав. Накрыл посудины тряпками, выбрался из закутка, и, пробравшись в спальню, с облегчением завалился на свои нары.

Доски под спиной были жесткими, но теплыми. В соседнем ряду кто-то всхлипывал во сне, кто-то сопел. Мышь лежала через два пролета, свернувшись калачиком, и дышала... уже чуть ровнее.

Рядом слышалась непонятная возня. Какой-то мальчишка поспешно уселся на краешек моих нар и воровато огляделся. Тим — подсказала память Лиса. Любитель пожрать снег.

— Ты че там ей дал? — шепотом спросил он. Тим был худой, жилистый, нос острый, глаза — прищуренные, постоянно на чеку. По Лисовым воспоминаниям, один из немногих, кто умел исчезать из-под удара быстрее, чем он прилетал.

— Вот ты-то как раз мне и нужен. Разговор есть, — так же тихо ответил я, поднимаясь на локте.

Он насторожился.

— Че за разговор?

— У тебя горло болит? — без лишних предисловий спросил я

Тим равнодушно хмыкнул.

— Почти всегда, — буркнул он. — С детства началось. Зимой снег ел, летом ледяную воду пил. А че, пить-то хочется. От это гадской воды из бочек блевать тянет.

— Верю, — отозвался я. — Хочешь — попробуем тебя полечить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.